
Юлия Четвергова
БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ
Фиктивные
Моя по контракту
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Юлия Четвергова

Фиктивные. Моя по контракту

Серия «(Не)сносные мажоры», книга 3

https://litres.ru/73555609
SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы выплатить долг, я заключила брачный договор с одним из тех, кого презираю. Теперь я – жена холодного и циничного мажора.

Наш брак – фикция. Наши чувства – ложь.

Полгода и я свободна.

Я была уверена, что Егор Морозов ни за что не нарушит договор. Ровно до того момента, пока не узнала, кто такой «Аид» и почему от него с самого начала стоило держаться подальше

Вас ждут:

Яркий и харизматичный герой

Тёмные вайбы

Горячие сцены

Тайны

Жаркое противостояние героев

Двойная жизнь

От автора: ПЕРВАЯ КНИГА ДИЛОГИИ!

Нецензурная брань упоминается всего несколько раз за всю книгу. Герои максимально интеллигентны :))

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	53
Глава 5	68
Глава 6	83
Глава 7	100
Глава 8	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Фиктивные. Моя по контракту

Глава

Плейлист:
Obsidian Swing – Pitter-Patter
Falling In Reverse – God Is A Weapon
Multipass – Малиновый закат (cover)
OKINXWX – Another Life
Meg Myer – Desire
30 Second To Mars – Hurricane
Bad Omens – What It Cost
Cold In May – Songs Of Innocence
Seether – Careless Whisper (cover)

Глава 1

София

Я бегу, не разбирая дороги. Позади слышны шаги. Тяжёлые. Настойчивые. Разносящиеся глухим эхом по спящему кварталу, как удары молота по наковальне. Как неизбежный приговор.

Люди Антона вот-вот поймают меня…

Дождь давно закончился, но асфальт всё ещё блестит в свете редких фонарей.

Прохудившиеся кроссовки скользят по мокрому тротуару. Дыхание рвётся из груди облачками пара в холодном предрассветном сумраке. Сердце гулко стучит в ушах.

Бежать. Бежать!

Нельзя останавливаться – как бы сильно ни жгло лёгкие, как бы ни кололо в боку.

Я сжимаю ремешки потрёпанного рюкзака. В нём – всё, что у меня есть: фотография родителей, кошелёк с несколькими помятыми купюрами, сунутыми наспех, и разряженный телефон допотопной модели.

Сворачиваю за угол. Ещё раз. И ещё.

Если чаще петлять, меньше вероятность, что меня поймают и отведут к этому чудовищу…

За очередным поворотом реальность будто трескается. Я и сама не понимаю, как оказалась здесь. Вместо облезлых

многоэтажек мимо проплывают роскошные особняки, прячущиеся за высокими заборами. Даже воздух другой – с запахом власти, финансовой стабильности и безопасности.

Пропитанный тем, что мне никогда не светит.

В этой жизни уж точно.

– Быстрее! Она побежала туда! – чужие грубые голоса звучат слишком близко.

Я вздрагиваю, осознавая, что всё-таки остановилась перевести дыхание. Засмотрелась. И теперь эта заминка обойдётся мне слишком дорого.

Нужно срочно что-то придумать.

Спрятаться.

Паника обжигает кожу. Я верчу головой, осматриваясь. Впереди – тупик. Позади – люди Антона.

Похоже, я сама загнала себя в ловушку…

Уперев ладони в колени, сгибаюсь и судорожно выдыхаю, пытаясь успокоиться. Поднимаю глаза. Передо мной – кирпичный забор, увитый плющом. За ним – свет, лёгкая джазовая музыка и гомон голосов.

Времени на раздумья нет.

Это мой единственный шанс.

Разогнавшись, стискиваю зубы и прыгаю на забор. Карабкаюсь, чудом уцепившись руками за выступ. Подтягиваюсь из последних сил. Секунда – и я перекатываюсь через край, падая в чужой сад. Прямо в кусты роз, лепестки которых в темноте кажутся почти чёрными.

Со стоном поднимаюсь. Но, несмотря на осторожность, всё равно напарываюсь на колючие стебли. Шипы безжалостно царапают кожу ладоней, цепляются за штаны и куртку, словно желая отомстить за розы, погибшие под моим весом. Но я не обращаю на это внимание.

Боль – ничто по сравнению со страхом, выжигающим грудь.

В ушах звенит от падения и бешеного количества адреналина в крови. Стараясь оставаться незаметной, прижимаюсь к кустам, чувствуя, как сердце готово выскочить из груди. Трава, мокрая от росы, холодит кожу. Ветер приносит с собой запахи еды, алкоголя и женских духов. От первого желудок сводит в голодном спазме, вынуждая меня сжаться в три погибели. И задуматься о том, как давно я ела.

– Куда она делась? – звучит совсем рядом. Возможно, за забором.

Они уже здесь…

Нужно бежать. Прятаться.

Повинуясь инстинкту, бросаюсь вперёд. Но как бы я ни старалась слиться с местностью, бдительный охранник, стоящий на краю ухоженной аллеи, замечает меня.

Неудивительно. Я – как белая ворона среди напыщенных павлинов.

Глаза мужчины тут же цепляются за мой нелепый вид. Брови сходятся на переносице. Он достаёт рацию и говорит что-то, не сводя с меня пристального взгляда.

Чёрт.

Чёрт!

Я выпрямляюсь в полный рост – прятаться уже бесполезно. До оглушённого сознания доносятся отдельные звуки: чей-то смех, звон бокалов, злые выкрики прихвостней Антона за забором.

И этот забор – как граница между двумя мирами.

Набрав полную грудь воздуха, быстрым шагом иду к особняку.

Будь, что будет. Терять уже нечего.

Меня окружают мужчины в дорогих костюмах, женщины с безупречными причёсками и макияжем. Мои ободранные джинсы и потёртая куртка среди множества атласных платьев – как грязное пятно на белоснежной скатерти.

Ненавижу этот мир за то, что пока одни прячутся по кустам от долгового рабства, другие – организовывают роскошные вечеринки просто так.

Ненавижу…

У кого-то с детства есть всё, о чём только можно мечтать, а кто-то вынужден пахать сутками напролёт, лишь бы просто выжить…

Я сжимаю кулаки, пробираясь сквозь толпу танцующих. Мне вдогонку летят неясные шипения и презрительные слова аристократов, но я не слышу ничего, кроме шума собственной крови в ушах.

Обойдя дом, собираюсь рвануть в сторону ближайшего за-

бора, но резко останавливаюсь. Мелодия – слишком красивая, словно не из этого мира – врывается в воспалённое сознание. И я застываю, как вкопанная, не в силах сдвинуться с места.

Такая печальная…

Надрывная.

Пробирающая до мурашек.

Проникающая в самую душу.

Что-то заставляет меня обернуться.

И только тогда я вижу Его.

Он сидит у белого рояля в дальнем углу террасы, слегка склонив голову. Светлая прядь выбилась из безупречной укладки и упала на лоб. Его волосы, отливающие в лунном свете серебром, чуть колышет весенний ветер. Лицо – будто высечено изо льда. Но не холодное, а сосредоточенное. Взгляд рассеян. Чёрная рубашка расстёгнута на одну пуговицу, рукава небрежно закатаны до локтей. На левом запястье – длинная тёмная царапина. Тонкие пальцы скользят по клавишам. Чувственные губы безмолвно шевелятся, исполняя песню, которую никто и никогда, кроме него, не услышит.

Он играет так, словно перед ним концертный зал. Но вокруг – никого.

Разве у таких, как он, может быть душа?

Этот диссонанс настолько выбивает меня из реальности, что я прикрываю глаза. Дышу. По-настоящему. Полной грудью. Слушаю завораживающую мелодию. Позволяю себе

ненадолго забыть, что за мной гонятся. Что я на чужой территории. И что дальше будет только хуже.

Возможно, это первый и последний красивый момент в моей жизни. Никогда раньше не слышала ничего подобного. И, возможно, не услышу. Зависит от того, кому сегодня повезёт больше: мне или Антону.

Тогда… почему бы не остановиться на секунду?

Чужие шаги заставляют распахнуть глаза. Я оборачиваюсь так резко, что наспех обстриженные волосы бьют по лицу. Но я всё равно успеваю разглядеть охранника, идущего ко мне.

Вот я и попалась…

Меня бросает в жар.

Зачем я остановилась?! Стоил ли этот момент того?

Как теперь спасаться? Куда бежать? Что делать?

Не придумав ничего лучше, бросаюсь к незнакомцу. Мелодия обрывается, когда я хватаю его за рукав. Ткань под пальцами – гладкая, дорогая.

– Пожалуйста… – выдыхаю еле слышно. – Помогите.

Парень резко оборачивается, и я вижу его глаза. Синие, как атлантический океан. Он смотрит на меня с недоумением. Как будто я сделала что-то из ряда вон.

Что-то неправильное. Запретное.

Мы боремся взглядами: мой – умоляющий – против его, темнеющего с каждой секундой. Мысли проносятся в голове скоростными вспышками, но время кажется вязким. Застывшим.

Вот и всё.

Он сдаст меня охране…

Добегалась.

Парень осматривает меня с ног до головы. Быстро. Внимательно. Отмечая каждую деталь «дресс-кода», несоответствующего вечеринке: испачканные джинсы, потрёпанный рюкзак, взъерошенные волосы, грязные кроссы и порванная куртка. И что-то в его взгляде меняется.

Решение принято.

Он поднимается молча. Не спеша. И одним выверенным движением притягивает к себе. Не грубо, но уверенно. Так, что сомнений не остаётся – теперь я под его защитой.

Охранник, спешивший наперерез, останавливается в паре метров от нас.

– Простите, Егор Александрович… Не уследили, – чеканит, пытаясь скрыть одышку после бега.

Егор Александрович?

– Не страшно. – Голос парня низкий. Спокойный. Но в нём чувствуется безоговорочная власть. – Она со мной.

Выпучив глаза, охранник растерянно открывает рот. И тут же его закрывает. Кивнув, отходит в сторону, чтобы не загораживать хозяину дома единственный выход с террасы.

К нему обращаются по имени и отчеству. С ним не спорят. Он держится свободно и непринуждённо…

Да уж…

Моему «везению» можно только позавидовать.

– Свободен, – добавляет Егор, и, не выпуская меня из объятий, идёт к особняку.

Я собираюсь дать дёру на ближайшем повороте, но рука Егора держит мою талию крепко. Достаточно, чтобы понять – мне не вырваться, если он не позволит. Его запах – виски вперемешку с дымом, деревом и непонятной горчинкой – окутывает. Тёмный. Тревожный. Чужой, как и он сам.

Мне вдруг становится страшно. Гораздо страшнее, чем за всю ночь погони.

Да, я спаслась. Временно.

Но от кого именно теперь завишу – непонятно.

Егор галантно открывает передо мной дверь особняка, и настойчиво подталкивает в спину.

– Проходи. Не стесняйся, – пропускает вперёд.

Подняв глаза, вижу усмешку. Холодную, как эта ночь. Хищную. И если бы не искра интереса в ледяной радужке, я бы решила, что он ведёт меня прямиком к Антону. Только это помогает задавить панику, подступающую к горлу.

Особняк проглатывает нас, как кит лодку. Зал наполнен светом и голосами, но всё равно давит – здесь шумно, душно и пафосно. Воздух стоит, словно вода в болоте.

Отвратное место, несмотря на весь лоск.

Егор ведёт меня к лестнице – мимо гостей, разодетых по последней моде. Они расступаются перед ним, бросая изумлённые взгляды нам вслед.

Отовсюду доносятся голоса:

– Кто это с ним?

– Он её с помойки подобрал?

– Дворняжка.

Ногти впиваются в ладони. Мне стоит больших усилий не огрызнуться в ответ. Промолчать.

Гиены обряженные…

Чувствую себя голой девой, выставленной на всеобщее обозрение.

Хотя неудивительно. Представляю, как мы выглядим со стороны…

Принц и замарашка.

Но Егор, словно ничего не замечает. Или делает вид, что так и должно быть.

Поднявшись по лестнице, мы оказываемся в просторном коридоре. Холле, если выражаться на аристократичном. Все посторонние звуки остаются снизу. Ковровая дорожка приглушает наши шаги. И с каждым шагом становится ещё тише.

И как будто темнее.

Егор останавливается перед дубовой дверью, и, наконец, отпускает меня. Легко нажимает на ручку.

– Заходи. – Уже не просьба. Приказ.

Я переступаю порог. Дверь за моей спиной закрывается мягко, почти беззвучно. Но по позвоночнику вниз ползут мурашки. Образовавшаяся тишина, затягивает в себя все звуки снаружи.

Словно не в другой комнате, а в другом мире оказались.

Только теперь до конца понимаю, что просто так меня отсюда не выпустят. Назад дороги нет. Приняв помощь Егора, я подписала себе приговор.

А какой – станет ясно прямо сейчас.

Обхватив себя одной рукой, застываю возле входа. Неловко поправляю рюкзак, тут же слетевший с плеча. В кабинете – а это именно он – пахнет так же, как и от Егора: кожей, древесиной и чем-то горьким. Возможно, сигарами.

Или властью. Она буквально пропитывает стены, книги на полках, тёмные шторы и мебель. В таких местах обычно заключают сделки, от которых зависит чья-то жизнь.

Он был здесь до того, как оказался на террасе. Вот откуда этот тяжёлый запах.

– Располагайся.

Хозяин особняка лениво усаживается на драпированный чёрный диван. Закидывает руку на подголовник.

Хищник в собственном логове.

– Сегодня ты моя гостья. А там… – делает небольшую паузу. – Посмотрим. – В голосе Егора скользит насмешка. Как будто происходящее его забавляет.

Не нравится мне всё это…

Ещё и смотрит, не отрываясь. Как шахматист на одну из фигур на доске.

– Я благодарна за помощь, но… – говорю тише, чем хотелось бы.

Закончить мне не дают.

– Захочешь уйти – уйдёшь. Утром. После того, как удовлетворишь моё любопытство.

Сердце всё ещё стучит в горле, но уже не так быстро. Я открываю рот, чтобы возразить, но… Что-то в выражении лица Егора, что-то опасное, вынуждает меня закрыть рот обратно.

Он не угрожал мне. Даже голос не повышал. Но я не могу отделаться от мысли, что связываться с этим человеком – себе дороже.

– Расскажешь, от кого бежишь? – интересуется вкрадчиво.

И в этот момент я всем нутром ощущаю, как моя жизнь окончательно сходит с рельс.

Оглядываюсь через плечо – момент слабости. Трусости.

Хочется уйти от ответа. Сбежать. Забыть о существовании Егора.

Подумаешь, отозвал свою же охрану.

Да и кто знает, что со мной будет завтра?

Но именно эта мысль заставляет остаться на месте.

Вдруг…

Вдруг он сможет мне помочь?

Расценив моё молчание по-своему, Егор поднимается с дивана. Идёт к массивному столу в центре кабинета. Открыв ноутбук, клацает мышкой. И поворачивает монитор ко мне.

Я делаю два шага вперёд, чтобы не щуриться. Но даже на таком расстоянии вижу онлайн-съёмку заднего двора: дви-

жущиеся силуэты и лица, которые выхватывает свет прожекторов. Не узнать двоих, сильно выделяющихся на фоне расфуфыренных гостей Егора, невозможно. Грузные мужики, с перекошенными бандитскими мордами, расспрашивают охрану, сопровождая слова активной жестикуляцией.

Псы. Ищейки Антона, выполняющие всю грязную работу за него.

Они ищут меня.

И они уже здесь.

Я отступаю назад, ударяясь о высокую тумбу. Органы сиротливо липнут к позвоночнику. Ладони сжимаются в кулаки. Дышать тяжело – рёбра сдавливает бетонная плита.

Егор скользит по мне взглядом. Цепким, изучающим. Так выглядит хирург перед тем, как сделать разрез.

– Кто они? – спрашивает негромко.

Я стискиваю зубы. Грудь разрывает от желания убежать – только бы не говорить, не рассказывать…

Не вспоминать.

– Слушай, я не хотела вламываться к тебе домой, – выдыхаю судорожно. – Я просто… Я оказалась здесь случайно. Мне не нужны проблемы. Я уйду прямо сейчас.

Вру.

Мы оба знаем, что будет, если я выйду за порог этой комнаты.

– Обещаю, никаких проблем не будет. Просто ответь на вопрос, – спокойно продолжает Егор. – Кто они?

Кожа на спине покрывается ледяным потом, стоит вспомнить сальный взгляд Антона и его слова:

«Тебе уже восемнадцать. Пора выплачивать долг иным способом…»

Медленно, будто срывая с себя кожу, начинаю говорить.

Про чудовище, которое называют ростовщиком. Про долг в размере пяти миллионов. Про то, как работала на трёх работах, пытаясь его погасить. Про то, как вчера Антон решил, что я могу выплатить остаток… собой.

Я не вдаюсь в детали, но глаза Егора темнеют с каждым словом. Он слушает меня внимательно. Не перебивает. Не спешит осуждать. И я не могу остановиться. Слова льются болезненным потоком.

В какой-то момент Егор выходит из-за стола. Подходит к мини-бару у стены. Достаёт бокал и наливает в него тёмно-красную жидкость. Подходит ко мне медленно, как к дикому зверьку.

– Выпей, – протягивает мне бокал.

Почувствовав запах, поднимаю на Егора взгляд, полный удивления.

Гранатовый сок?

Я ожидала чего угодно, но не этого. Обычно в таких ситуациях предлагают успокоить нервы крепкими напитками. А тут…

Происходящее кажется неправильным. Словно я попала в одну из мрачных сказок, и злодей только что предложил мне

запретный плод.

Не спуская с Егора глаз, даже не пытаюсь взять у него из рук напиток.

Абсурд! Что здесь такого? Хозяин дома предложил мне сок.

Обычный. Сок.

А я ужасно хочу пить…

В ответ на мой негласный протест, Егор только качает головой. Ставит бокал на столик между нами.

И, глядя на меня в упор своими колючими синими глазами, говорит:

– Как тебя зовут?

– София.

– София, – перекатывает на языке. – Так вот, София… – басит, делая интригующую паузу. – Предлагаю сделку.

Мир, кажется, замирает в этот момент.

– Я закрою твой долг. Полностью. И обеспечу безопасность.

Недоверчиво щурюсь. Сердце сжимается от дурного предчувствия.

– А взамен? – Пытаюсь избавиться от тошнотворного чувства, будто заключаю сделку с дьяволом.

Он улыбается. Холодно. Лениво. Как будто только этого и ждал.

– Ты станешь моей женой.

Глава 2

София

Я всё же беру бокал и осушаю его до дна. Заглушая не только жажду, но и шок.

Вот чёрт…

Это не сок, а вино.

Гранатовое.

Вкус на языке терпкий, сладко-горький, немного вяжущий.

Как последствия неправильного выбора.

Я морщусь от досады, а на лице Егора впервые появляется нечто похожее на человеческие эмоции.

– Думала, там сок? – растягивает губы в ухмылке.

Тоже мне, Капитан Очевидность…

Я не отвечаю. Просто ставлю пустой бокал на столик. Подхожу к дивану и обречённо плюхаюсь на него. Тру лицо ладонями, а затем прячу их между бёдер, пытаясь отогреть пальцы. Почему-то они всё никак не согреваются, несмотря на то, что в кабинете Егора довольно-таки тепло.

Мой жест не остаётся незамеченным. Но хозяин дома никак это не комментирует.

– Готова обсудить условия? – добавляет после паузы, садясь в кресло напротив.

Вскидываю голову, недобро прищурившись.

– С чего ты решил, что я согласна? – вырывается язвительное, прежде чем успеваю прикусить язык.

Он продолжает вежливо, но холодно улыбаться.

– А почему – нет? – Невозмутимо. – Я предложил прекрасный выход из положения. – Кивает на экран монитора.

Слово «выход» режет слух. Его отношение к моим проблемам бесит. Как будто это и не проблемы вовсе, а так… Головоломка, которую можно решить за пару минут.

В груди зарождается сожаление, что я так просто рассказала ему обо всём.

Где была моя голова? Мозги по дороге растеряла?

Или от голода уже тупеть начинаю?

И тут мой живот, как будто вторя мыслям, предательски громко урчит. Звук эхом отражается от стен. Я моментально краснею, мечтая провалиться на месте со стыда.

Вот только Егор тут же перестаёт улыбаться и хмурит слишком тёмные, в сравнении со светлыми волосами, брови.

– Ты когда ела в последний раз?

– Не твоё дело, – бурчу раздражённо. Ёрзаю на диване, делая вид, что пытаюсь усесться. Но в действительности просто прячусь от его вездесущего взгляда.

– Ошибаешься. Пока ты гостья в моём доме – это моё дело, – произносит с нажимом.

Он не ждёт согласия. Поднимается из кресла. Подходит к столу и нажимает на кнопку. Уже через минуту появляется женщина лет сорока, в строгой чёрной форме. Заходит в ка-

бинет и останавливается посередине.

На меня не смотрит.

– Егор Александрович, – вместо приветствия. – Желаете, чтобы я подала завтрак сюда?

– Да, – кивает он. – Только принесите нормальную еду, а не то, что подавали сегодня на банкете, – опускает манжеты рубашки и застёгивает их на запястьях.

Кивнув, женщина исчезает так же быстро, как появилась.

– Спасибо, – с трудом выдавливаю из себя благодарность. В горле появляется ком.

Егор пожимает плечами:

– Если ты умрёшь от голода, это здорово подпортит мне имидж, – скалится одним уголком рта.

Это он сейчас так изощрённо пошутил?

Обалдеть. Глыба льда умеет не только приказы раздавать.

Еду приносят в самые кратчайшие сроки. На подносе – керамическая супница, нарезанный хлеб, мёд и две чашки чая. Всё ещё горячее.

Оказывается, я дико голодна.

Приходится давиться слюной, лишь бы не накинуться на еду, забыв о приличиях.

– Не стесняйся.

Его слова заставляют меня смутиться ещё больше. Но я скрываю это за каменным выражением лица, которое легко получается изобразить – пример прямо перед глазами. Егор стоит, сунув руки в карманы брюк, и наблюдает, как я подо-

двигаюсь к краю дивана и начинаю есть. Медленно и аккуратно. Так, словно от этого зависит моя жизнь.

И почему я боюсь показаться дурнушкой перед ним? Какая разница, что этот напыщенный сноб обо мне подумает?

Суп – куриный, домашний – улетает в два присеста. Я жмурюсь от того, насколько он вкусный, заедая свежеиспечённым хлебом. Даже о наблюдающем за мной хозяине дома забываю.

Пусть смотрит, если ему так хочется.

Извращенец…

Когда доедаю всё до последней крошки хлеба, до последней капли мёда, Егор подаёт мне салфетку. Я беру её, избегая зрительного и физического контакта, и демонстративно вытираю рот. После чего набираю полные лёгкие воздуха и, чувствуя приятную тяжесть в животе, расслабленно откидываюсь назад.

Мы оба молчим.

Егор не выдерживает первым.

– Рад, что тебе понравилось. Не благодари, – в его тоне проскальзывают язвительные нотки.

Я и не собиралась. Это всё ради имиджа, – думаю про себя, но решаю не язвить в ответ.

Он не сделал мене ничего плохого.

Пока.

– Итак, – Егор садится на противоположный край дивана. Я выпрямляюсь, ощущая лёгкое беспокойство. – Продол-

жим?

Видно, что я интересна ему, не более чем винтик в огромном механизме. Не девушка, не человек – инструмент, с помощью которого можно добиться какой-то своей цели.

Но…

– Почему я? – Вопрос слетает с губ раньше, чем успеваю подумать.

Егор даже бровью не повёл.

– Тебе нужен покровитель, который защитит. Мне – жена. Фиктивная. – Выделяет последнее слово. – Всё просто.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он останавливает меня жестом руки:

– Прежде чем принять окончательное решение, выслушай до конца. – Его голос становится обволакивающим. Низким. Усыпляющим бдительность. – Мы оба получим выгоду от этой сделки. Ты – желанную свободу, я – жену, которая мне сейчас нужна. Так что всё честно.

– Зачем тебе жена? Тем более… такая, как я, – выдавливаю сквозь зубы.

Говорить о себе в подобном ключе неприятно, но я должна понять его мотивы.

Не хотелось бы выбраться из одной клетки и попасть в другую. С той лишь разницей, что прутья будут из золота.

– У меня небольшие, – в синеве радужки проскальзывает едва заметный намёк на досаду, – разногласия с отцом. Как бы правильнее выразиться… – С осторожностью подбирает

слова. – У нас с ним кардинально разные взгляды на жизнь. И на женщин тоже. Поэтому он хочет поскорее женить меня на одной из дочерей своих партнёров.

– И ты решил взбунтоваться? Тебе сколько? Пятнадцать? – тяну скептически. – Неужели нельзя просто сесть и поговорить? Он же твой отец.

Егор на мгновение теряет самообладание. Его лицо неприлично вытягивается, но он быстро берёт себя в руки.

– Какая разница, что мной движет? – разводит ладони, съезжая с темы. – Главное, что я предлагаю тебе: деньги, защиту и полную неприкосновенность.

– Бесплатный сыр только в мышеловке, – хрипло заявляю я, отказываясь идти на сделку с совестью.

– Веришь ли ты в судьбу, София? – Не выпускает меня из плена своих глубоких, словно галактика, синих глаз. – Разве не странно, что мы встретились с тобой именно сейчас? Те амбалы могли поймать тебя со дня на день. А меня бы женили уже завтра после званого ужина, потому что терпение отца подошло к концу.

Нижняя губа оказывается изжёвана в хлам, когда я, наконец, понимаю, что слишком сильно нервничаю. Что слишком сильно сопротивляюсь желанию согласиться на столь привлекательную сделку, которую мне выгодно подаёт Егор.

Я ведь прекрасно знаю, что везде есть двойное дно. Важно только то, можешь ты с ним смириться или нет.

Но что если в случае Егора риск оправдывает средства?

– От тебя не требуется ничего, кроме как изображать из себя счастливую и по уши влюблённую в меня жену. – Продолжает дожимать, видя мои сомнения. – Мы будем изредка появляться вместе на мероприятиях, званых вечерах и семейных ужинах. Только и всего.

– А дома?

Как же гладко он стелет…

– Пока никто не видит, мы сами по себе. У тебя своя жизнь, у меня – своя. Можешь делать, что угодно и распоряжаться своей жизнью так, как тебе хочется… в рамках оговоренного контракта, – добавляет поспешно.

Контракта?

Видимо, я не до конца осознаю всю серьёзность ситуации, пребывая в эйфории от одной только мысли, что, наконец, буду свободна.

От вечных долгов.

От бесконечных размышлений, где раздобыть деньги на пропитание и где найти крышу над головой.

И от Антона.

– И всё равно… – Не сдаюсь. – Внизу полный зал других девушек. Почему я?

– Потому что ты идеально подходишь для реализации моего плана. Потому что ты никак не связана с нашим миром. Потому что тебя загнали в угол. И потому, что ты уже согласна, – самодовольно подытоживает Егор. – А ещё ты красивая. Приятный бонус, не правда ли?

Неожиданный комплимент вгоняет в краску. Я опускаю взгляд.

Конечно, он лукавит. К бабке не ходи.

Разве я могу быть привлекательной? Особенно сейчас – с растрёпанными волосами, синяками под глазами, и усталостью, которая отпечатана на лице не хуже любого грима.

Но всё равно… приятно.

Очевидно, что последний вопрос был риторическим, поэтому Егор переходит сразу к сути.

– Юрист подъедет к восьми утра. Оформим всё, как положено. А пока набросаем черновик.

Он идёт к рабочему столу, достаёт из выдвижного ящика чистый лист. Садится в удобное даже на вид кресло и начинает быстро расписывать пункты. Воцарившуюся тишину разбавляет только шорох ручки по бумаге и моё шумное дыхание.

Еда и вино окончательно разморили уставшее тело и сознание. К тому моменту, как Егор возвращается, я уже клюю носом, а веки слипаются так, что пора вставлять спички.

– Проверь, согласна ли с пунктами. Если я что-то упустил, добавим чуть позже во время подписания.

Он подаёт мне черновой вариант договора. Я бегло просматриваю его, стараясь сосредоточиться, но строчки всё равно расплываются.

Вино пошло не на пользу…

Хлопнув себя по щекам, фокусирую взгляд на буквах.

Договор о заключении фиктивного брака сторонами…

Участники обязуются соблюдать следующие основные пункты договора:

1. Срок фиктивного брака: минимальный – полгода, с возможностью продления при изменении условий договора по согласию обеих сторон.

Условия проживания: отдельные спальни, неприкосновенность личного пространства и личной жизни.

2. Финансовая часть (со стороны Егора):

– Выплата долга Софии в размере 5 миллионов рублей – в течение двадцати четырёх часов после заключения договора без последующего взыскания, если договор аннулируется по причинам, не связанным с участниками договора.

– Ежемесячные выплаты на личные расходы в размере пятьсот тысяч рублей.

3. Обязательства Софии:

– Присутствие на официальных мероприятиях.

– Взаимодействие с прессой и семьёй Егора в рамках образа "жены". Совместные фотографии и минимальная физическая близость, если того требуют обстоятельства.

4. Конфиденциальность:

– Полный запрет на разглашение условий сделки.

– В случае нарушения условий конфиденциальности, сторона, допустившая разглашение обязуется:

а) Вернуть всю сумму, полученную по договору – для Софии. Выплатить штраф в размере ста миллионов рублей –

для Егора.

б) Немедленно покинуть территорию проживания, если виновная сторона – София. Предоставить место для проживания и обеспечить полную финансовую и личностную безопасность, если виновная сторона – Егор.

5. Расторжение:

– Возможно по инициативе одной из сторон по истечении полугода, с сохранением конфиденциальности.

Права на имущество:

– София не имеет права претендовать на недвижимость, бизнес и активы Егора.

Я перечитываю договор ещё раз. Но никаких подводных камней не замечаю. Всё строго. Чётко. Без воды.

И максимально прозрачно.

А вот договор, составленный уже юристом, придётся перечитать раз десять, как минимум.

– Вас этому с детства учат? – решаю пошутить, чтобы сбросить нервное напряжение, возникшее в теле.

Парень хмыкает.

– Нет. Предпочитаю быть образованным во всех вопросах, связанных с ведением бизнеса.

– И ты, правда, будешь платить мне пятьсот тысяч каждый месяц? – скептически выгибаю бровь.

Это очень… очень большие деньги по моим меркам…

– Тебя только этот пункт волнует? – отвечает вопросом на вопрос.

Я поднимаю на него взгляд. Жду. И только теперь Егор понимает, что я не шутила.

– Ты серьёзно? Для меня это копейки. Как и твой пустяковый долг.

Пустяковый…

В груди поднимается неистовая волна злости. Его слова будят то, что дремлет во мне с самого детства – ненависть к тем, кто родился с золотой ложкой во рту. К тем, кто присосался к родительским деньгам, и считает себя пупом земли.

Приходится собрать всю силу воли, чтобы не высказать этому снобу всё, что я думаю о таких, как он.

Видела я, как мажоры развлекаются в ночных клубах… И что позволяют себе за огромные деньги.

Мерзость.

Меня передёргивает. Егор, заметив моё состояние, решает побыть дипломатом.

– Хорошо, не буду давить. Я вижу, что ты устала. В доме полно свободных комнат. Выбери одну из них и отдохни. Подумай обо всём в спокойной обстановке. Вечеринка закончится через час. Пока ты в моём доме тебя никто не тронет, – говорит он, заметив мой взгляд, который то и дело возвращается к экрану ноутбука. – Я возьму на себя все организационные моменты и пришлю Ирину, когда всё будет готово. Окончательный ответ дашь позже.

Это был самый длинный монолог в его исполнении за всё утро.

Киваю, ощущая странную пустоту внутри. На споры нет никаких сил.

Я устала. Слишком устала.

Договор лежит передо мной – как пропуск в другой мир. В другую жизнь.

Или в другую клетку.

Это был тяжёлый день.

Обращаю руки ладонями вверх. Смотрю на них так, будто они таят в себе ответы на мои вопросы. Пальцы подрагивают. Тело вторит им внутренней дрожью от усталости. Алкоголь сделал своё дело. Я всегда быстро засыпаю после него. Поэтому стараюсь не пить в незнакомой обстановке и с незнакомыми людьми.

Не понимаю, как я могла так сильно ошибиться, выпив целый бокал вина…

Егор расплывается перед глазами. Я моргаю, но веки тяжёлые. Сердце замедляет своё биение.

Шумно выдохнув, откидываюсь на спинку дивана.

Сейчас, посижу так минутку и встану…

Когда я открываю глаза в следующий раз, меня окружает полумрак. Незнакомая мебель, плотно задёрнутые, шторы и стойкий запах чистоты.

Я не сразу вспоминаю, где я и как оказалась здесь. Просто приподнимаюсь и сижу какое-то время в кровати, глядя в никуда. А стоит вспомнить – желание уснуть и не просыпаться кажется самым привлекательным на свете.

Готова ли я подписать договор? Избавиться от одной кабалы, чтобы вляпаться в другую?

Говорят, из двух зол нужно выбирать меньшее…

Егор выглядит меньшим злом.

По крайней мере, что я теряю? Хуже всё равно уже не будет.

Поднимаюсь с кровати и распахиваю шторы. Комната оказывается просторной и светлой. С большим окном, бархатными шторами пастельного цвета и широкой постелью, в которой можно утонуть.

Как капкан, обложенный мхом.

Я всё ещё чувствую усталость, но нервное напряжение не даёт даже просто лечь обратно в кровать. Воспользоваться затишьем, чтобы отдохнуть, пока всё снова не превратилось в безумие. Поэтому я мечусь по комнате туда-сюда, словно загнанный угол зверь.

До тех пор, пока не раздаётся стук в дверь.

Я замираю, как перед прыжком. Жду, что кто-то войдёт, но никто спешит вламываться внутрь.

Неужели нужно моё разрешение?

– Войдите, – голос хриплый спросонья, но меня слышат.

Дверь открывается и в комнату входит та же женщина в строгом чёрном костюме.

– София, Егор Александрович ждёт вас. Если вы готовы, следуйте за мной.

Я прошу подождать пять минут, и иду в ванную комнату,

чтобы умыться.

Помпезная остановка не перестаёт удивлять. Я словно в музей попала. Только экспонатов не хватает. Позолоченная сантехника, мраморные стены, лепнина – и это только малая часть обстановки.

Быстро приведя себя в порядок, чуть ли не бегом вылетаю из стерильного кошмара. Даже в зеркало не смотрю.

Плевать, как я выгляжу.

Кабинет Егора при свете дня выглядит иначе. Если в сумраке он казался мне мрачным и изолированным от всего мира, то теперь это обычная комната. За исключением того, что она слишком… идеальная.

Ничего лишнего. Резной письменный стол из тёмного дуба, настольная лампа, бумаги, сложенные аккуратной стопкой в органайзере. Длинный шкаф, расположенный вдоль стены. Каждая полка уставлена книгами. В дальнем углу – закрытый бар. Напротив входа – часы в современном стиле.

Сдержанное тепло дерева, матовая сталь – всё буквально кричит: это кабинет влиятельного человека.

Почти десять… Долго же я спала.

Почему Егор не послал за мной раньше?

Когда я вхожу, Егор сидит за столом. Спина прямая, как будто рядом ходит надзиратель, следящий за его осанкой. Стоит ссутулиться – и получит указкой по спине. На нём тёмно-синий костюм, галстук с тугим узлом. На левой руке – часы, отражающие солнечные лучи, падающие сквозь неза-

шторенные окна. Светлые волосы зачесаны назад. Так, что ни одна прядка не выбивается.

От его педантичности даже жутко становится.

Представляю, как его раздражает мой внешний вид.

Я чувствую себя не просто чужой в этом месте, а лишней. Неуместной. Как сорняк среди ухоженных грядок.

– Проходи, – мягко говорит Егор, не отрываясь от изучения договора.

Ни приветствия, ни улыбки, только холодная вежливость.

В одном из свободных кресел сидит высокий мужчина в очках, с планшетом в руках. Юрист. Егор коротко представляет нас друг другу, после чего принимается зачитывать пункты договора ещё раз. Я сверяюсь со своим экземпляром, который мне протянул юрист и не нахожу ничего нового, кроме того, что теперь всё написано слишком мудрёным языком. Официальным. Однако основной смысл чернового варианта сохранился.

Оба мужчины ждут моего решения. Вот только я почему-то думаю не о пунктах договора, и что прямо сейчас собираюсь продать свою свободу на целых полгода…

Я смотрю на Егора и вижу перед собой абсолютно незнакомого человека. Как будто этот Егор – брат-близнец того, который играл на рояле несколько часов назад.

Могу поклясться, до утреннего преображения он был другим. Живым, несмотря на всю холодность.

А сейчас передо мной не человек, а статуя. Идеальная, без

единого изъяна. Такие не ошибаются. Не проигрывают. И не умеют чувствовать.

Юрист подаёт мне ручку, вырывая из размышлений:

– Подписать нужно здесь и здесь, – прицельно тычет в лист бумаги, а я не могу отвести глаз от Егора.

Он вопросительно вскидывает брови и я понимаю, что пялилась на него неприлично долго.

– Х-хорошо, – опускаю взгляд, пытаясь отыскать места, где нужно подписать.

Но не успеваю прикоснуться стержнем к бумаге – в кабинет без стука влетает вчерашний охранник.

– Егор Александрович! Ваш отец… Он… он уже внизу. Скоро поднимется.

Меня будто придавило к стулу чем-то тяжёлым.

К такому повороту никто оказался не готов. Даже Егор. Но единственное, что выдало его эмоции – слегка нахмуренные брови и острый взгляд, о который можно порезаться.

– Сколько у нас времени? – Всё что спрашивает у охранника.

– Минуты две.

Егор кивает. Юрист быстро поднимается – сразу заметно, что они давно знакомы.

– Подпишем позже. Я вышлю время и место. – Произносит командным тоном.

Мужчина в очках пожимает Егору руку и исчезает за дверью, следуя за охранником.

Хозяин дом бросает на меня короткий, но содержательный взгляд, и я вновь вытягиваюсь по струнке, сама того не осознавая.

– Похоже, придётся форсировать события. Визит отца я не учёл, – сжимает губы в тонкую линию. Берёт телефон и быстро набирает кому-то сообщение. – Иди в свою комнату, я возьму его на себя. Он пока не должен ни о чём знать.

Я не успеваю ответить. Он каким-то немыслимым образом оказывается уже у двери.

Но, прежде чем уйти, бросает последнюю фразу, обидную до оскомины на зубах:

– И приведи себя в порядок. Если собираешься стать моей женой, должна соответствовать фамилии. Ирина тебе в этом поможет.

Глава 3

София

Домработница появляется внезапно – прямая осанка, короткая стрижка, строгий взгляд.

– Меня прислал Егор Александрович. Пройдёмте за мной. – Ирина не улыбается, но в её голосе нет холода. Только деловитость.

По женщине невозможно понять, как она относится ко мне. Настоящий профессионал своего дела.

Я следую за Ириной. Она уводит меня дальше по коридору, затем по лестнице, вверх, на третий этаж. Здесь окна распахнуты настежь. Пахнет весенней свежестью и цветами из сада. В воздухе пляшут едва заметные пылинки, мерцающие в ярком солнечном свете.

Комната, в которую мы заходим, похожа на гримёрку: длинное горизонтальное зеркало со встроенными лампами по краям, узкий стол, заставленный кейсами с косметикой. В углу – длинная вешалка с нарядами на все случаи жизни.

Для начала Ирина отправляет меня в душ. В ванной долго не задерживаюсь. Хотя соблазн велик. Даже не смотря на пощипывающие порезы на руках, горячая вода – то, чего мне очень не хватало последние месяцы.

Усилием воли, я покидаю душевую кабину спустя пятнадцать минут. Обернувшись в пушистое полотенце, возвра-

щаюсь в комнату-гримёрку.

– Присаживайтесь, – завидев меня, женщина указывает на квадратный стул с высокими ножками и низкой спинкой.

Ирина не суетится. Просто делает свою работу. Открывает кейсы, раскладывает кисточки на столике. Бросает на меня изучающие взгляды, подбирая палетки.

Я сажусь, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Никого, кроме пугала в лохмотьях, там не увижу. Но это – мелочи. Больше отталкивает мысль, что придётся отдать себя в руки постороннего человека.

Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются.

Ради договора приходится побороть себя. Поэтому даже не протестую. Просто прикрываю веки и жду, пока домработница приступит к макияжу.

– Простите мою фривольность, но… Боюсь даже представить, что вам пришлось пережить. – Вдруг вздыхает Ирина. И снова поспешно извиняется. – Ещё раз простите, если показалась грубой.

– Всё в порядке, – тяну безразлично.

Её слова никак меня не задевают. Я итак знаю, что она видит: впалые щёки, острые скулы, узкие плечи, худые руки и ноги. Удивительно, что Егор вообще счёл меня красивой.

Хотя, возможно, это была ирония, которую я не уловила за его вечно холодной, вежливой маской.

– Волосы будет сложно уложить, но мы что-нибудь придумаем, – Ирина подходит ко мне сзади и осторожно касается

обесцвеченных добела коротких прядей.

Ужасно непривычно…

Я вздрагиваю. Больше от посетивших мыслей, чем от чужого прикосновения.

Знала бы, что смена внешности не поможет…

Только время зря потратила.

– У вас интересный цвет глаз, – чувствую, как она смотрит на меня через зеркало. – Кажется, такие глаза называют хамелеонами. Не голубые и не зелёные. Интересно… Нужно будет подчеркнуть их. – Рассуждает вслух, поняв, что я не собираюсь ей отвечать.

И смотреть на себя в зеркало – тоже.

– Начнём с макияжа. Готовы?

Киваю, едва слышно переведя дыхание.

Ирина приступает к работе. Её движения быстрые и точные. Уверенные. Палетки сменяют друг друга одна за другой. Кисти порхают надо мной, как крылья бабочек.

Я же взволнованно ковыряю ногти.

Раньше была дурацкая привычка теребить волосы, а теперь не знаю, чем занять руки.

– Вы выглядите моложе своего возраста. В вашей ситуации, это скорее минус, чем плюс. – Лёгким движением наносит румяна на щёки, заканчивая. – Поэтому не улыбайтесь. Смотрите спокойно и уверенно. И не забывайте дышать. – Я открываю глаза как раз в тот момент, когда на губах Ирины появляется едва заметная улыбка.

Убегая от реальности, я читала множество фентезийных романов. И вот в них часто описывали преобразившихся героинь, которые едва узнавали себя в зеркале.

Я себя узнала. И описанного в книгах восторга не испытала. Скорее – желание стереть с себя боевой раскрас.

Гладкие волосы, уложенные лёгкой волной от лица. Оттенённые, чёткие брови. Длиннющие чёрные ресницы. Нежно-розовые губы. Слишком ровный тон кожи. Благодаря тёмному карандашу для глаз, взгляд стал выразительным и глубоким.

Вроде я, а вроде и нет.

Размалевали, как актрису перед выходом на сцену.

Хотя… Так оно и есть.

Наверное, в параллельной вселенной, в которой София Белова родилась не в семье алкоголиков, а среди статусных и уважаемых людей, так выглядела бы настоящая я.

Но не в этой реальности.

Кажется, будто на моё лицо надели маску. Как у «дневного» Егора. Точёную, красивую. Идеальную. И вместе с тем ненастоящую.

Ирина замечает злую ироничную усмешку, скользнувшую по моим губам. Поэтому спешу поблагодарить её за проделанную работу:

– Красиво. Спасибо, – выдавливаю из себя улыбку. На этот раз искреннюю.

Если отбросить лирику, получилось и вправду красиво.

Ни убрать, ни прибавить – ничего лишнего.

– Рада, что вам понравилось, – и снова подчёркнуто вежливый тон. – Теперь перейдём к платью.

Платью…

Ненавижу платья.

Я как будто на личную пытку подписалась. Вроде бы плюсы договора перевешивают минусы, но стоит коснуться неприятных мелочей и их становится уж слишком много…

Ирина долго подбирает наряд, то и дело бросая быстрые взгляды в мою сторону. В итоге останавливается на нежном голубом платье в пол с бретельками – просто, но со вкусом. От помощи отказываюсь. Надеваю его сама. Единственное – прошу застегнуть молнию сзади.

По привычке хочу поправить волосы сзади, но жёстко обрываю себя, с досадой сжимая ладони в кулаки.

Их больше нет. Как и твоей прошлой жизни.

Забудь.

– Егор Александрович будет доволен.

Ещё бы мне было до этого какое-то дело…

Понравится этому снобу или нет – вопрос второстепенный. Главное, чтобы держал руки при себе.

Ирина поправляет складки на платье, рассматривая мой образ с лёгким оттенком гордости в карих глазах. Её голос звучит мягко. Словно она испытывает к хозяину дома тёплые чувства, похожие на материнские.

Хотя, откуда мне знать, какие эмоции родители испыты-

вают к своим детям? Моим было плевать на всё, кроме бутылки.

Смотрю в зеркало, чтобы отвлечься. Мне даже начинает нравиться то, что я там вижу. Немного.

Правда, с трудом верится, что это – договор, Егор, преображение, фиктивный брак – происходит со мной на самом деле.

Ирина ободряще кладёт руки мне на плечи и легонько сжимает их:

– Вы справитесь, София. – Не поддержка. Не утешение. Просто факт.

И тут, как по заказу, раздаётся мужской голос за дверью:

– Я могу войти?

Женщина сразу отступает от меня. Впускает Егора в комнату. Не успев войти, парень тут же принимается придирчиво осматривать меня с ног до головы. Как лошадь на рынке.

Настроение сразу ползёт вниз, достигая отметки «минус».

– Неплохо, – озвучивает вердикт. Но на красивом лице не отражается ни капли эмоций.

И вот с этим камнем мне придётся уживаться полгода?

Впрочем, какая разница…

Уж лучше Егор с причудами, чем антоновские псы и подвал.

– Можете быть свободны, – обращается к Ирине.

Когда женщина оставляет нас наедине, парень самую малость расслабляет галстук у шеи. Позволяет себе тяжёлый

вздох и выразительно вздёрнутые брови, усаживаясь на стул, в котором я сидела не так давно.

Кошмар. Как будто каждое его движение проходит контроль качества.

Какого чёрта он такой… идеальный?! Здесь же никого, кроме нас, нет!

– Это будет сложнее, чем я рассчитывал, – басит едва слышно.

Внутри всё переворачивается.

– О чём ты?

Если он о моей внешности, я точно подпорчу это холёное мажорское личико.

Егор снова скользит по мне взглядом снизу вверх. И, кажется, будто на мгновение в нём что-то меняется. Становится темнее и опаснее. Как ночью.

Или я это себе придумала?

– Пошли. Расскажу за обедом.

И, грациозно встав со стула, уходит, не оглядываясь. Знает, что я покорно последую за ним.

Выбора ведь всё равно нет.

Видимо, репетиция нашего брака уже началась. Потому что иначе, чем пыткой – в платье, на каблуках по ковру, по лестницам вниз – я это никак не назову.

Ровный мраморный пол на первом этаже радует блаженством в икрах. Напряжённость сменяется расслабленностью. Я даже выдыхаю от облегчения. Егор это слышит и на мгно-

вение оборачивается, одаривая кривой ухмылкой.

Я громко цокаю.

Он действительно проверяет меня. Как я хожу. Как держусь. Как веду себя. Что говорю.

Всё это – одна сплошная проверка.

Чтоб его!

Столовая расположена, в прямом смысле, на другом конце особняка. И напоминает банкетный зал, нежели трапезную.

Я как-то работала официанткой на свадебных торжествах… Так вот, место, куда привёл меня Егор, практически ничем не отличается от данного мероприятия. Разве что декорации в виде цветов отсутствуют.

Как они вообще могут жить здесь? Это же не дом, а одна сплошная пытка! Да даже общага, в которой я жила последнее время, выглядела уютнее, чем этот особняк.

Холодная геометрия на стенах и на полу. Длинный стол из серого камня на двадцать человек, как минимум. Глубокие кресла, садясь в которые чувствуешь себя не гостьей, а экспонатом.

Егор останавливается у одного из стульев-кресел. Отодвигает его за спинку и ждёт, пока я сяду.

На мой вопросительный взгляд поясняет:

– Привыкай. У нас же любовь, – с ехидством.

Сам садится напротив. Не рядом.

– Куда ты, дорогой? У нас же любовь! – Не могу удержаться от ответной шпильки.

– Юмор прибереги до лучших времён. Поверь, он тебе понадобится, чтобы не отъехать в комнату с белыми стенами, – говорит без тени улыбки. И это напрягает.

Всё настолько плохо?

Егор поправляет часы на левом запястье – жест, выдающий лёгкую нервозность. Если бы не умела подмечать мелочи, то не заметила бы. Собираюсь спросить, в чём дело, но в столовую заходят два официанта во главе с поваром, и приходится на время отложить разговор.

После краткой презентации трудновыговариваемых блюд, нам желают приятного аппетита и оставляют наедине. Егор берёт графин с обычной водой и наливает себе в стакан, игнорируя основные блюда и закуски.

– Это, – обводит руками стол и еду, от которой рот наполняется слюной, – репетиция семейного ужина. Сегодня ты должна быть безупречна в своей роли, София. А так как времени на подготовку у нас немного… придётся импровизировать, – заявляет слишком спокойно.

Импровизировать? Он это сейчас серьёзно? Да если бы не работа официанткой, я бы даже названия всем этим столовым приборам не знала!

Но на «сцене» София 2.0 – тихая, собранная, влюблённая, элегантная – так что я молчаливо жду продолжения воодушевляющей речи своего почти мужа.

Кошмар…

В мыслях это звучит ещё хуже.

– Всё, что от тебя сегодня требуется – молчать и смотреть в мою сторону так, будто жить без меня не можешь. В основном на все вопросы буду отвечать я. Ты киваешь. Если улыбаешься – только мне. – Каждое слово Егора – капля кислоты на остатки самообладания. – Обучать тебя светскому этикету времени нет, поэтому на ужине старайся ничего не есть. Обещаю, что накормлю тебя позже, когда всё закончится.

Я киваю. Пить не хочется, но горло сухое, аж першит. Взяв стакан с вишнёвым соком, на этот раз действительно соком, делаю несколько глотков. И только после отвечаю:

– Вроде несложно.

– Это пока. Но если будешь держаться, как сейчас, – синие глаза становятся похожими на две узкие щелочки, – мы справимся с вероятностью в восемьдесят процентов. А это почти успех, София.

– Ещё будут рекомендации? – Не выдерживаю его взгляд и делаю вид, что меня заинтересовал электрокамин.

– Перед смертью не надышишься, – озвучивает популярную фразу. – Но лучше озвучить некоторую информацию, чем пускать всё на самотёк, это правда. Возможно, что-то отложится в твоей светлой головушке.

– Ты сегодня на редкость разговорчив.

Почему мне каждый раз хочется его поддеть?

– А ты так давно меня знаешь, чтобы делать выводы?

– Справедливо, – иду на попятную, признавая свою ошибку.

Не нужно было вообще затевать с ним перепалку. Какого чёрта я творю?

– Держишься ты неплохо, – кивает на мой новый образ, – но мелочи выдают. Хмуришься. Жуёшь губы, – перечисляет, откидываясь назад. – Сжимаешь пальцы в кулак, – кивает подбородком на мою руку. – Постоянно поправляешь платье. Часто вздыхаешь.

Надо же, а я ведь даже не заметила, что делаю все эти вещи, пока разговариваю с Егором.

– Старайся следить за собой, а не за окружающими. Пока это не имеет значения. Если бы сегодня состоялся званый ужин, то тут, да, были бы проблем. Но отец внезапно… пошёл на уступки, – поджимает губы, вертя в руках вилку. – И это не нравится мне больше всего.

Вот мы и добрались до причин нервозности этого холодного камня.

– Ты о чём? – Спрашиваю, на этот раз отслеживая каждое своё движение. Хотя нога то и дело пытается начать трястись под столом.

– Как и ожидалось, отец не поверил в мою ложь.

– В какую именно?

– В то, что я встретил любовь всей жизни, – смотрит с таким ехидством, что я уже запуталась, где заканчивается «дневной» Егор и начинается «ночной».

– Ничего не понимаю… – вырываются мысли вслух. Но парень расценивает это, как вопрос, касающийся разговора

с отцом.

Так даже лучше. Возможно, узнаю чуть больше о своём… муже.

– Как я уже говорил, сегодня вечером должен быть званый ужин, на котором представят невесту, выбранную для меня отцом. Он лично приехал сообщить, что настаивает на моём присутствии вечером. Не без угроз, естественно.

Егор выпускает вилку из плена и подаётся вперёд всем телом. Складывает руки на столе перед собой, как школьник, изучая меня взглядом, плохо поддающимся описанию.

– Я сказал, что мне не нужна невеста, потому что она у меня уже есть. И я люблю её больше жизни.

– Даже я бы тебе не поверила, – фыркаю, откидываясь в кресле.

Почему-то в столовой резко стало мало пространства. Оно сузилось до одного сноба, завладевшего всем моим вниманием, и я инстинктивно подалась назад.

Хорошо, что Егор сел напротив меня, а не рядом…

Чёрт! Если он так на меня влияет, как я буду терпеть его близость целый час или больше?

– На это и был расчёт. Но… – Постукивает указательным пальцем по столу, разглядывая блюдо перед собой. Кажется, мидии в соусе. – Отец неожиданно согласился перенести званый ужин.

– Так это же хорошо. Нет?

– Слишком хорошо. – Сводит брови на переносице. – Он

так настаивал на званом ужине, и вдруг передумал после моих слов о возлюбленной? В жизни не поверю!

– Мне кажется, ты перебарщиваешь, – тяну с сомнением. – Что если твой отец просто отчаялся дождаться внуков и решил взять всё в свои руки? Может, он блюститель семейных ценностей?

– Тебе кажется, – меняется в лице, снова цепляя на себя маску безразличного ко всему человека. – Я знаю своего отца. Это точно подстава, – в голосе Егора звенит металл. – И беда в том, что я пока не понимаю, в чём именно она заключается.

На какое-то время в столовой воцаряется тишина.

Меня мало волнуют душевные метания людей, у которых есть всё, но они придумывают себе проблемы на пустом месте. Поэтому я делаю то, что хотелось с самого начала – ем. Сначала омлет с овощами. Затем пробую рыбу в лимонном соке. Всё делаю аккуратно, чтобы не испачкать платье.

По мере наполнения желудка, настроение выравнивается до нейтральных значений. Жизнь перестаёт казаться сущим испытанием.

Правда, ненадолго.

– В любом случае, от предстоящего семейного ужина ничего хорошего ждать не стоит, – произносит задумчиво, так и не притронувшись ни к одному из блюд.

Кусок в горло не лезет?

Буржуи…

Посидели бы месяцок на воде с хлебом. Я бы на них посмотрела.

Отсутствие комментариев с моей стороны никак не смущает парня. Наоборот, делает словоохотливым. Он как будто пытается заполнить образовавшуюся «пустоту» между нами.

Или наладить контакт с фиктивной женой. Что более вероятно.

– Я не планировал представлять тебя отцу так скоро. Думал, есть хотя бы пара дней. Ты не готова. – Чеканит последнюю фразу чуть ли не по слогам. – Поэтому нужно подстраховаться и подписать договор задним числом. Чтобы отец ничего не мог сделать. Я уже дал Юре необходимые распоряжения. – Поглядывает в планшет, лежащий рядом. – Тебе нужно будет только поставить подпись. В ЗАГС заедем по пути.

В ЗАГС?!

– Чего? – переспрашиваю ошеломлённо, едва не подавившись желеобразным десертом. – Но мы же не обсудили условия до конца!

Неясная тревога снова охватывает горло плотным обручем, несмотря на то, что я вроде как пошла на сделку с совестью и всё для себя решила.

– Мне показалось, ты была согласна, – в рокочущем голосе проскальзывают рычащие нотки.

– Была, да… – соглашаюсь, ковыряясь вилкой в десерте.

Но…

Как объяснить ему это «но»?

Свои страхи. Сомнения. Метания…

– И что же изменилось? – вкрадчиво.

Сложив руки перед лицом в замок, ждёт, глядя на меня исподлобья. Атлантический океан начинает бушевать.

Злить Егора или казаться недобросовестной мне не хотелось бы.

– Я забыла о важном пункте договора, – от волнения принимаюсь теребить белую кружевную салфетку. Царапины на руках становятся слишком очевидными.

Егор замечает их.

– Закажу перчатки к платью. Через двадцать минут привезут, – заходит в приложение на планшете. Вбивает запрос в поисковике. Лениво листает каталог. И, не отрывая взгляд от экрана, продолжает. – Можешь озвучить важный пункт сейчас. Юра внесёт коррективы.

Жмурюсь, стараясь ни о чём не думать. Не вспоминать.

Набираю полную грудь воздуха. Слова даются тяжело.

– Никакого секса, – тараторю на выдохе. – Никакой близости. Все прикосновения должны быть оговорены заранее. По максимуму. Я понимаю, что всё предугадать невозможно, но…

– Хорошо, – легко соглашается с условием, даже не отвлёкшись от выбора перчаток. Или что он там делает? – Это всё?

Я на мгновение теряюсь.

Так просто?

– Всё… – неуверенно. Салфетка превратилась в крошки на столе.

– Тогда договорились, – наконец отрывает взгляд от планшета, одаривая меня вежливой улыбкой. Фальшивой до омерзения. – Выезжаем через полчаса.

Глава 4

София

– Повторим легенду, – говорит мой… новоиспечённый муж, глядя в окно машины. – Мы познакомились на благотворительном вечере месяц назад. Ты была волонтёром. Я жертвовал деньги в фонд для детей-сирот. Присутствовал, как особый гость.

Егор поворачивается ко мне. Его профиль подсвечивают фонари вдоль шоссе. Черты лица заострились: челюсть напряжена, ресницы отбрасывают длинные тени на щеках, губы едва заметно поджаты.

Почти греческая статуя – красивая до невозможности, но холодная.

– Потом случайная встреча в парке, – его тёмно-синие, глубокие глаза поглощают любой источник света, словно бездонная пропасть. Я часто моргаю, чтобы сбросить наваждение и внимательно слушать. Но даже голос Егора невозможно просто слушать. Он пробирается куда-то под кожу своими раскатистыми вибрациями. – Я гулял с собакой, ты читала. Кербер стащил твой бутерброд. Мы узнали друг друга, сочли это судьбоносной встречей. Обменялись номерами. Так всё и началось.

Продумал всё до деталей.

Я только киваю в ответ.

Тут захочешь – не забудешь. Егор повторяет эту легенду снова и снова. После ЗАГСа. Быстрого венчания, которое прошло, как в тумане. После подписания договора. Как только сели в машину… И вот сейчас.

Чувствую, он будет повторять её до тех пор, пока каждое его слово не врежется мне в подкорку.

– Отношения скрывали по очевидной причине: разница в социальном положении. Но случилась любовь с первого взгляда и я не устоял. Предложение сделал без камер. Простой вечер: ресторан, вино, свечи, кольцо. Ты согласилась не сразу, обещала подумать. Согласие дала вчера, – заканчивает с призрачной полуулыбкой на губах.

Я сжимаю ткань платья на коленях, ещё не до конца понимая, во что ввязалась.

Или не желая понимать.

Но одно ясно точно – я заяц в волчьей шкуре. И теперь мне придётся играть эту роль целых полгода.

Отдавала ли я себе отчёт в этом, когда ставила подпись на дьявольском контракте?

Скоро узнаю.

И… надеюсь, не пожалею.

– А если твои родители начнут копать глубже?

– Отвечай максимально коротко, – прилетает мгновенно. – А лучше изображай стеснительную девушку из глубинки и молчи. Я возьму всё на себя. Если начнут наседать, сделай вид, что поперхнулась и отлучись в уборную. Обещаю

сделать всё, что в моих силах, чтобы избавить тебя от этого бремени. Главное, не забывай смотреть на меня так, словно я – весь твой мир.

– Весь мой мир… – повторяю с неприкрытым скепсисом и опускаю взгляд на ладони, сжатые в кулаки.

Это будет трудно. Я никогда ни в кого не влюблялась. Всё что меня волновало и волнует по сей день – как выжить. Только и всего.

А любви место в книжках.

Егор делает глубокий вдох и шумно выдыхает. Ёрзает – слышу, как поскрипывает кожа сиденья.

Похоже, он тоже сомневается, что затея выгорит. Но вида не подаёт.

Что же движет им на самом деле? Ради чего так упорствовать?

Зачем Егору фиктивная жена на самом деле?

Машина замедляется. Особняк, к которому мы подъезжаем, похож на белый мраморный саркофаг. Или музей. Охрана без лишних вопросов пропускает нас через ворота с фамильным логотипом компании Морозовых на них. Я смотрю в окно. Первое, что бросается в глаза – высокие расписные колонны у ступеней и зелёный сад, похожий на лабиринт.

Меня охватывает нервная дрожь. Пальцы в перчатках леденеют.

Машина подъезжает прямо к ступеням. Я дёргаюсь, чтобы выйти, но Егор пригвождает меня к сиденью одним взгля-

дом.

– Я открою.

Чёрт…

Не прошло и пары секунд спектакля, а я уже чуть не запорола всё.

Егор обходит машину и открывает дверь. Протягивает руку. Я набираю полные лёгкие воздуха и вкладываю дрожащие пальцы в его широкую ладонь.

Это всего лишь прикосновение.

Грёбаное прикосновение!

Успокойся!

Моя нервозность влечёт за собой очередную ошибку. Тонкий каблук цепляет шов плитки, застревает в ней, и я едва не оступаюсь. Но Егор как будто заранее знал, что так будет. Его надёжные руки притягивают меня к себе. Уверенно и небрежно. Словно он делал это тысячу раз.

– Положись на меня, – говорит, чуть склонив голову. – Мы же теперь партнёры. А партнёры должны доверять друг другу.

Доверять друг другу…

Ага, бегу и падаю.

Но доля истины в его словах есть. Наш договор влечёт за собой ответственность и обязанности, которые необходимо выполнять.

Лёгкий кивок и мы идём внутрь.

Я заставляю себя дышать. Спокойно и размеренно. Но

сердце всё равно трепещет в груди. Каблуки стучат по мрамору, отсчитывая секунды до начала семейного ужина. До начала моего первого испытания.

До экзекуции.

Минуем длинный холл, увешанный картинами. Их смысл не понять, как ни старайся. Обхватив Егора под локоть, я буквально цепляюсь за него, потому что с каждым шагом тело отказывается слушаться. Ноги становятся ватными.

Как будто всё во мне противится тому, что должно случиться. Кричит: беги отсюда, идиотка!

В гостиной нас встречает дворецкий. Делает лёгкий поклон и провожает к двустворчатым стеклянным дверям. Кольцо с огромным бриллиантом холодит палец. Сжимает его, как удавка. Я бросаю на него последний взгляд и судорожно вздыхаю.

Егор кладёт руку поверх моей, судорожно вцепившейся в его локоть. Но перед этим на долю секунды задерживает ладонь в воздухе, как бы «оповещая» меня о намерении коснуться.

Это подкупает – то, что ему небезразлично. Он ведь мог попросту проигнорировать или забыть мою просьбу.

Но нет. Егор Морозов всё ещё показывает себя человеком принципов.

Надеюсь, у него нет скрытой личины.

Как у Антона…

– Готова?

Я киваю с небольшой заминкой. И только после этого Егор позволяет дворецкому открыть перед нами двери, ведущие в просторный светлый зал.

Первым в глаза бросается длинный стол, занимающий больше половины комнаты. Накрыт безукоризненно: хрусталь, фарфор, тяжелые льняные салфетки, блюда с фруктами. Сквозь широкие окна падает мягкий вечерний свет, придающий флёр гостеприимства и тепла. Но воздух – прохладный, неподвижный, едва ли не стерильный – намекает, что гостям в фамильном особняке не рады.

Первым из-за стола поднимается отец Егора – высокий мужчина, виски которого уже тронула седина. Дорогой костюм на подтянутом теле сидит безупречно. На скуластом, как у Егора, лице виднеется лёгкая щетина. Он не улыбается нам. Вообще никак не меняется в лице. Но когда его взгляд падает на меня, кажется, что я проваливаюсь под лёд: в глазах мужчины нет тепла, только холодная оценка.

Инстинктивно распрямляю плечи. Егор делает едва заметный шаг вперёд и на мгновение чудится, что он пытается заслонить меня от своего отца.

– Егор, – голос мужчины спокойный, ровный. Но каждый слог отмерен, как будто мы на военном построении. – Рад, наконец, познакомиться с избранницей своего сына, – кивает мне, одарив скупой улыбкой.

Теперь ясно, в кого Егор… И не только внешне.

Я стискиваю локоть мужа сильнее, напрочь позабыв о том,

что должна изображать из себя уверенную и безумно влюблённую мадам. Все ранее заготовленные слова застряли в горле колючим комком.

Егор незаметно сжимает мою руку в ответ. И, как и обещал, берёт всё на себя:

– Софи, позволь представить своего отца. Александр Александрович Морозов.

– Оч-чень приятно, – мямлю, запинаясь.

Уверена, прямо сейчас моё лицо покрывается страшными красными пятнами от стыда.

Чёрт-чёрт-чёрт! Какого меня так трясёт?

– Взаимно, дорогая, – появившись из-за спины Александра, как чёрт из табакерки, произносит… мачеха Егора.

Статная, красивая, моложавая бизнес-леди. Одета строго: белая рубашка, поверх наброшен твидовый пиджак, юбка чуть выше колен и закрытые туфли на высоком каблуке. Карамельные локоны до плеч пружинят при каждом мимолётном движении.

– Елена, моя супруга, – представляет жену Александр, даже не попытавшись коснуться женщины. – Можешь обращаться к нам просто по имени, София.

Я киваю, немного расслабляясь. А вот Егор, наоборот, напрягается – мышцы под моими пальцами затвердевают, становясь чуть ли не каменными.

– Присаживайтесь, – Елена жестом приглашает нас к столу. И, опомнившись, растягивает тонкие карминовые губы в

сухой, ничего не значащей улыбке. – Блюда сейчас подадут, – негромко хлопает в ладоши два раза.

Александр садится первым во главе стола. Елена устраивается рядом по правую руку от него. Егор отодвигает для меня стул с левой стороны, но через одно место от отца. Ждёт, пока я со всей имеющейся осторожностью, сяду, и только после опускается на стул сам.

Официанты заносят еду бесшумно, словно ниндзя. На середину стола ставят что-то французское или итальянское – я плохо разбираюсь. Блюдо белое, как снег, с тонкими слайсами мяса, веточками зелени и соусом по краю. Пока расставляют закуски, слышен только звон посуды.

– Разреши полюбопытствовать, София. Как вы познакомились с моим сыном? – спрашивает Александр, не обращая внимания на прислугу, разливающую белое вино по бокалам. Как будто они – всего лишь предмет интерьера.

Моя тарелка полна еды, но я даже не притрагиваюсь к ней, держа сцепленные до белых костяшек руки под столом. Цепкий взгляд родителей Егора напрочь отбивает аппетит.

Как на допросе…

Следователи и преступница.

Я собираюсь ответить. Даже рот приоткрываю. Но Егор, взяв вилку, мягко вклинивается, пересказывая придуманную им же легенду.

– Егор, что же ты не даёшь своей невесте даже слово вставить. Не так я тебя воспитывал. – Со стороны слова Алек-

сандра кажутся мягким укором, но синие глаза остаются холодными и внимательными.

– Софи мне не невеста. Она – моя жена, – скопировав тон отца, произносит муж.

Слово «жена» звучит так, будто кто-то уронил стеклянную рюмку в полной тишине. Родители Егора даже на мгновение цепенеют. На их лицах появляется сначала недоумение, а затем и шок.

Первым берёт себя в руки, конечно же, Александр. Прочистив горло, он ёрзает на стуле, словно тот внезапно стал жутко неудобным. Елена же принимается улыбаться. Так широко и ненатурально, что лучше бы вообще ничего не пыталась изобразить. Особенно радость. Её зелёные глаза скользят по мне сверху вниз и обратно. Снова и снова. Пока не останавливаются на кольце с огромным бриллиантом на безымянном пальце правой руки.

В комнате становится неуютно. Как будто резко понизили градус до нулевой отметки. Ещё и солнце пропало – тёплый вечер превратился в холодные сумерки.

– Чудесное колечко, – оправдывает свой пристальный интерес Елена. – Правда, выбор неожиданный. – Она переводит взгляд на Егора. Тот ест, как ни в чём не бывало. Непринуждённо и расслабленно. – София так быстро покорила твоё неприступное сердце, – делает интригующую паузу, сжимая тонкую ножку бокала пальцами. – Неужели она не заслуживает фамильного кольца?

Егор застывает над блюдом с вилкой и ножом в руках. Сжимает приборы так сильно, что я вижу каждую жилу, проступившую на его руках. Замечание так сильно выбивает его из колеи, что он почти меняется в лице. Почти. Но его маска выдерживает удар.

В том, что это именно удар, и сомневаться не стоит.

Александр молча наблюдает за нами. Я периодически ощущаю на себе его взгляд, который пронзает, как стрела. Поэтому решаю «спасти» ситуацию.

Вспомнив, что вообще-то должна изображать из себя по уши влюблённую, кладу руку Егору на колено в качестве поддержки. Смотрю на него, выдавливая улыбку, но она трещит по швам.

Если так продолжится и дальше, мы и получаса не продержимся.

– Это я была против, – мой хриплый от эмоций голос разрезает воцарившуюся тишину. – Всё итак произошло слишком… поспешно. Я решила, что Егор должен тщательно всё обдумать. Всё же кольцо – это семейная реликвия.

Я неловко убираю руку с колена парня. Делаю маленький глоток вина, чтобы не задохнуться.

– То есть, проще говоря, ты сомневаешься в его чувствах? – Гремит над столом мужским басом. – Или в своих? – На лице Александра не дрогнул ни один мускул, несмотря на то, что вопрос достаточно провокационный. – Тогда зачем согласилась выйти замуж за моего сына?

Зачем я вообще открыла рот? Егор же велел молчать!

Только хуже сделала…

Дыхание спирает. Салфетка, которую я теребила, даже не понимая этого, дрожит в руках. Я сворачиваю её, как будто это может дать хоть какую-то опору.

Почему?

Да если бы я только знала!

Что в таких ситуациях отвечают героини романов, которые я читала?

Но, прежде чем мне удаётся вспомнить хоть что-то путное, Егор возвращает себе прежнее самообладание. По комнате разносится пренебрежительное фырканье.

– Прекрати сомневаться в наших чувствах и нападать на мою жену, – приобнимает меня за плечи. Только чудом я заставляю себя не двигаться. – Кольцо много значит для нашей семьи, – делает акцент. – К тому же оно хранится в твоём сейфе. Логично, что я не побежал просить его при первой же возможности. Сомневаюсь, что ты бы одобрил моё решение. Поэтому решил сделать всё тайно, – разводит руки. – Но не мог же я оставить свою дорогую Луну без колечка, даже если венчание было тайным.

Луну?

Егор берёт мою руку в свою ладонь и целует каждый пальчик пристально глядя в глаза. Синяя радужка светится таким теплом и обожанием, что я теряюсь. Сердце пропускает удар, утопая в бездонном океане, полном мерцающих звезд.

Он врёт и играет свою роль с такой лёгкостью, что мне хочется аплодировать.

Никто не говорит ни слова. Даже Елена. Мерещится, будто каждый из присутствующих слышит, как сильно грохочет моё сердце в груди. Видит наш фарс насквозь. И только напускная вежливость не позволяет каждому высказать то, что он думает.

– Извини, если мой вопрос показался грубым, София, – наконец произносит Александр. – Я не хотел задеть. Но и ты меня пойми. Тот факт, что вы уже женаты, оказался слишком… неожиданным.

Отец Егора не повышает голос, но каждое слово застывает ледяными каплями на моём позвоночнике.

– Ты должна понимать, что статус жены моего сына не столько привилегия, сколько ответственность. Обязанности, которые нужно выполнять. Не каждая с этим справится.

– Я знала, на что шла, – тихо говорю я, опуская глаза.

И ведь ни капли не соврала.

Егор продолжает приобнимать меня за талию, словно намекая, что он рядом. Что поддержит. Вот только мне хочется поскорее унести отсюда ноги. Подальше от этой странной семейки. Подальше от людей в принципе.

Но…

Я не могу.

Куда бы я ни бежала, Антон и его ищейки будут идти по пятам до конца жизни. А Егор обещал избавить меня от дол-

гового рабства в течение суток.

Ради собственной свободы потерплю.

В сравнении с тем, что меня ждало, полгода фиктивного брака – малая цена.

– Я вправе сомневаться, – продолжает Александр, который даже не подозревает о моём внутреннем монологе. – И, честно признаться, не верю вам.

Грудь сковывает ледяной спазм. Рука Егора на моей талии каменеет, в то время как лицо остаётся улыбчивым и расслабленным.

– Пока, – добавляет мужчина после короткой паузы.

Довольный произведённым эффектом, он позволяет себе лёгкую усмешку и откидывается на стуле, сложив руки перед собой – шахматист, ожидающий следующего хода своего оппонента. В данной ситуации – Егора.

Елена снова цепляет улыбку. Как по команде.

– Софи, дорогая, не принимай на свой счёт. В нашей семье проверки – обычное дело. Сама понимаешь… – Заговорщически понижает голос. – Желающих стать женой Егора хоть отбавляй. Мы с Сашей будем только рады, если вы на самом деле горячо любите друг друга.

На этот раз держу своё «ценное» мнение при себе.

Итак кашу заварила, нарушив указания Егора – молчать.

Но отец и сын не обращают ни на кого внимания. Сцепившись взглядами, они ведут личную войну, понятную лишь им двоим.

И только теперь я понимаю, что причины пойти наперекор отцу у Егора есть. И наверняка весомые. Что он не просто мажор, решивший взбунтоваться против отца.

Вся его семья – вот, что действительно можно назвать фарсом.

Насквозь фальшивая Елена.

Александр с замашками диктатора.

Дом, который проще сдать под музей, чем превратить его в уютный уголок, где собираются члены семьи.

И маска, которую Егор вынужден носить, чтобы скрывать себя настоящего.

Прямо сейчас я вижу перед собой не избалованного мажора. Не сноба, родившегося с золотой ложкой во рту. А человека. Обычного человека, который готов отстаивать свои интересы до конца.

Даже если это идёт вразрез с мнением авторитетного отца. Даже если приходится жениться на первой встречной. Даже если вынужден носить маску каждый день. Везде. В любом состоянии.

Только теперь мне ещё больше становится любопытно, что же за причины толкнули Егора пойти против отца?

За что он борется? Что пытается отстоять?

Себя? Личную свободу, как и я? Или что-то ещё?

Впервые в моей груди ёкает непонятное чувство, похожее на то, когда захватывает дух. Я не понимаю его. От него тут же хочется избавиться, что я и делаю. Но смотреть на Егора,

как при первой встрече, уже не могу.

Чувство, что мы похожи, въедается под кожу и не отпускает.

– Что ж… – вдруг произносит Александр. Вкрадчиво. Словно затаившийся хищник, перед тем, как совершить прыжок. – Я не против твоей избранницы, Егор. И даже готов благословить ваш брак.

Я не верю своим ушам.

Так просто?!

Но ничего в этом мире не бывает слишком просто.

– С одним условием, – отец Егора подаётся вперёд. Но, прежде чем озвучить своё условие, обводит нас двоих испытывающим взглядом.

В этот момент дыхание в комнате затаили все. Не только я.

– И какое же? – не выдерживает парень. Его раскатистый голос отдаётся вибрацией в грудной клетке.

– Вы с Софией будете жить… здесь, – припечатывает Александр.

Глава 5

София

– Это противоречит всему, что прописано в контракте! – шиплю яростным шёпотом.

Мне только и остаётся, что бессильно измерять шагами комнату, которую Александр Морозов великодушно выделил молодожёнам.

– Здесь может быть прослушка, – хмурится Егор, сидя на нашей общей постели со скрещёнными руками.

– Ты обещал мне… – Нервы сдают. Нижняя губа начинает мелко трястись.

Обречённо вдохнув, парень достаёт смартфон из кармана брюк. Что-то быстро нажимает. Осматривает комнату придирчивым взглядом: каждый угол, каждый предмет. Довольно хмыкает и только после продолжает наш диалог:

– Раз обещал, выполню. Все до единого. Просто… внесём небольшие поправки в наше соглашение.

– Это ты называешь, – окидываю роскошную комнату на втором этаже выразительным взглядом, – небольшими поправками?

Просторная спальня – при большом желании можно даже не пересечься. Потолок расписан тонкой лепниной. Мраморный камин напротив огромной кровати, на которую даже смотреть страшно.

Всё вокруг буквально кричит: «Ты в ловушке!»

– Если хочешь, можешь отказаться, – пожимает плечами так легко и непринуждённо, что мне хочется его треснуть чем-нибудь. Желательно тяжёлым.

Устав метаться по комнате, как зверь, запертый в клетке, плюхаюсь рядом с Егором на кровать и роняю лицо в ладони.

– Я не смогу, – выдыхаю, сквозь стиснутые зубы. – Ты говорил, что мы будем изредка появляться на людях, изредка взаимодействовать с твоими родственниками, – машу в сторону двери. – Даже с тобой видеться изредка! Минимальный контакт!

Чёрт, похоже, я близка к нервному срыву…

– Говорил, – даже не думает отрицать. – Но всё не так плохо, как могло быть.

– Не так плохо? – Все эмоции, запертые до этого момента на ключ, прорываются наружу. – Ты шутишь что ли? Твой отец сказал, чтобы я организовала благотворительный вечер, раз уже имею в этом опыт! Да ещё и через неделю! Через. Неделю! Как?!

Со стороны, наверное, выглядит комично – ругаться шёпотом. Вот только мне совсем не смешно.

– Очень просто, – снова пожимает плечами, оставаясь предельно спокойным. – Заплатим людям, тебе проведут ускоренный тренинг. А пока отец не видит, многое сделают за тебя. Останется только нарядиться и действовать по заранее составленному плану. – Заметив мои возмущённо округ-

лившиеся глаза, добавляет: – План тебе тоже предоставят. Что говорить, как себя вести…

– Твой отец сказал..! – Отнимаю руки от лица, чтобы посмотреть на этого непрошибаемого сноба.

Ему что и море по колено?

– Да мало ли что он сказал, – дёргает щекой. Между бровями на идеальном лице появляется глубокая морщина.

Егор рывком поднимается с постели. В два счёта избавляется от удавки в виде галстука. Расстёгивает две пуговицы на груди, возится с манжетами рубашки и отточенными движениями закатывает рукава до локтей.

– Послушай, – присаживается передо мной на корточки, пытаясь заглянуть в глаза. – Я предполагал подобный исход…

Собираюсь разразиться тирадой – он знал, что так может случиться! – но парень прикладывает указательный палец к своим губам, призывая к молчанию. От его наглости давлюсь очередным вдохом.

– Для нас ничего не меняется. Кроме незначительно нюанса: нужно будет немного чаще взаимодействовать с моей семьёй. К тому же это продлится всего месяц, – пытается смягчить, но получается плохо. Его доводы не имеют для меня никакого значения. – В наших интересах сократить срок по максимуму. Чем раньше отец поверит, что мы без ума друг от друга, тем скорее свалим отсюда. Как тебе такой план?

Я заглядываю в чернильно-синюю бездну глаз. Что пытаюсь отыскать в них – сама не понимаю. Но взгляд парня затягивает так, что невозможно вынырнуть из омута.

– Зачем тебе всё это? – выдыхаю вместо ответа.

– О, поверь, причин много, – хмыкает Егор. А в это время на дне бескрайнего океана маячат черти.

Мне всё же удаётся вырваться из плена его глаз. Отвернувшись, смотрю в окно, за которым царит кромешная темнота.

«Ночной» Егор проснулся.

Это такой ритуал по сбросу масок? Или у него реально раздвоение личности?

– Но ты не расскажешь мне ни об одной, – не спрашиваю.

Слабый ветерок играет с занавесками, принося прохладу в комнату. Но я словно сгораю изнутри.

– Прости, дорогая, – выпрямляется в полный рост. Смотрит на меня сверху вниз. – Мы не настолько близки, чтобы я захотел раскрыть тебе душу.

От Егора веет таким спокойствием, что моя паника сама собой сходит на «нет».

Видимо, это заразно.

С кем поведёшься…

– Сомневаюсь, что она у тебя вообще есть, – зыркаю на парня исподлобья.

– Ты права, – внезапно соглашается он. – Свою душу я растерял много лет назад. Но это уже лирика, – ставит точку

в разговоре, свернувшем не туда.

А у меня и нет желания его продолжать.

– Чтобы окончательно развеять твои сомнения, – решает вернуться к волнующему вопросу, – предлагаю компенсировать дополнительные усилия с твоей стороны в денежном эквиваленте. Лишним не будет. Особенно, когда всё закончится.

Практичность – это точно про Егора.

Я вздыхаю, испытывая дикое желание остаться одной. Обдумать всё, как следует. Но в нынешних обстоятельствах покой мне будет только сниться.

– Это провал… Мы не справимся, – бормочу, вместо ответа на очередную попытку купить меня.

– Не попробуем – не узнаем, – на красивом лице появляется незнакомая плутоватая ухмылка. – Верно? – вскидывает брови.

Мне даже глаза хочется протереть. Вдруг привиделось?

Но нет. Проходит целая минута, а кривая усмешка так и не сползает с полных, чётко очерченных губ мажора.

– Зачем спрашивать? Ты ведь всё для себя решил, – окидываю Егора недовольным прищуром.

Парень морщится.

– Есть небольшой шанс, примерно, около одного процента, – сводит большой и указательный палец, оставляя между ними крохи пространства, – что ты всё-таки не согласишься.

– Я настолько предсказуемая? – искренне удивляюсь.

– Не настолько. – Обходит одну из колонн (да, в спальне есть колонны!) рядом с кроватью, и садится в царское кресло, сложив перед собой руки. – Просто тебе не повезло связаться со мной.

– Скромность – твоё второе имя? – не удерживаюсь от сарказма.

– Обычная оценка собственных навыков. Без хвастовства. – Из синих глаз исчезают чертята, а с лица пропадает любой намёк на улыбку.

Вот этот Егор привычнее. С ним проще.

Незнакомый Егор с плутоватой ухмылкой… пугает.

– А теперь, если мы всё решили, – дожидается моего заторможенного кивка, – слушай внимательно. – Его голос спокоен, но в каждой букве слышится приказ. – Пока мы здесь, у нас будет несколько простых правил. – Во взгляде Егора появляется что-то тёмное. Опасное. Обжигающее нутро.

Я скрещиваю руки на груди. Стараюсь держать спину ровно. Но меня всё равно пробирает до дрожи.

– Первое: никаких сцен, никаких истерик. Ни дома, ни на публике. Все эмоции держи при себе. В нашей спальне можешь хоть обрыдаться. Но, выходя за эту дверь, – тычет указательным пальцев в сторону выхода, – ты должна выглядеть идеально.

Смотрю на Егора в упор и чувствую, как руки зудят от желания придушить этого сноба. Или хотя бы встряхнуть,

схватив за грудки.

Ненавижу, когда мной командуют. И уж тем более таким тоном. Сразу навевает не самые приятные воспоминания о приюте…

Но Егор спас меня. Так что нужно держать себя в руках.

По крайней мере, пока это выгодно обоим.

Внутри бушует буря, но ни один мускул на моём лице не дрогнул. Я выдерживаю чужой взгляд с достоинством.

Удовлетворённо хмыкнув, Егор переходит к следующему пункту своих условий:

– Второе: ты не задаёшь вопросов о моих делах, что бы ни происходило. И третье… – Он делает паузу, криво улыбаясь. – Прозвучит банально, но не влюбляйся в меня. Это табу. Между нами чисто деловые отношения.

Впервые за весь вечер вдруг чувствую какую-то странную, чуждую мне раньше, злость.

– Да кому ты сдался, – говорю спокойно. Даже слишком спокойно.

Он прищуривается, оценивая мою реакцию. Как зверь, присматривающийся к другому хищнику в общей клетке.

– Вот и отлично, – бросает лениво. – Напомню: мы не обязаны быть друзьями. Как и доверять друг другу. Единственная наша обязанность – играть в любовь так, чтобы все поверили.

Какой же он… раздражающий!

– А если я нарушу правила? – шиплю, удивляясь соб-

ственной дерзости.

Егор по-кошачьи прищуривается. Его взгляд лениво скользит вдоль моего тела, обжигая обнажённые участки кожи. И я вспоминаю, что всё ещё в платье. Открытом. Демонстрирующем больше положенного. А Егор – мужчина. Связанный со мной контрактом, и всё же…

Что ему стоит принудить меня и заставить молчать обо всём?

Внутренности съёживаются от колючего холода. Ощущение, словно меня наизнанку выворачивает.

– Здесь ты будешь делать то, что я скажу. Никаких «если», – мрачно басит парень, поднимаясь.

Вот чёрт…

Егор подходит ко мне. Движения плавные, грациозные. Завораживающие. Как у хищника, уверенного в себе и своей силе. Уверенного в своей неоспоримой власти. Я машинально подскакиваю с кровати, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Чтобы стать хоть немного выше.

Чтобы показать: я не боюсь!

Егор останавливается неприлично близко. Настолько, что я чувствую тепло его тела, запах дорогого парфюма и чего-то горького. Опасного.

Скрещиваю руки на груди в жалкой попытке отстоять видимость личного пространства. Мне приходится задрать голову, чтобы смотреть мажору в глаза.

– Ты не ответил, что будет, если я нарушу правила, – с

вызовом вскидываю подбородок.

Взгляд Егора темнеет. Его рука дёргается вверх. Но он останавливает себя в нескольких сантиметрах от моего лица.

– Не советую испытывать моё терпение. Поверь мне, Луна, – припоминает «ласковую» кличку, придуманную на ужине для поддержания легенды, – лучше тебе держаться от меня подальше. Мой интерес дорого тебе обойдётся. И я сейчас не о деньгах, – вкрадчиво рокочет парень.

Что он хотел сделать? Ведь явно не ударить…

Не выдержав, опускаю взгляд. От его голоса в животе скручивается узел не то страха, не то чего-то ещё. Неизвестного. Непонятного. И от этого становится ещё страшнее. Странным ощущениям вторит томление, появившееся во всём теле. И я с ужасом осознаю, что оно не отталкивающее, а… будоражащее. Как адреналин, воспламеняющий вены на большой скорости.

Егор мне всё ещё не нравится. Он всё ещё пугает. В чём-то вызывает уважение, но…

Он прав. Мне точно стоит держаться от него подальше.

– Хотя знаешь, попробуй, – шепчет, наклоняясь к моему уху. Его горячее дыхание опаляет кожу. По позвоночнику вниз пробегают мурашки. – Даже любопытно, к чему это приведёт.

Каждый волосок на моём теле встаёт дыбом. Меня бросает сначала в жар, а потом в холод. Дыхание утяжеляется. А соски вдруг твердеют, натягивая ткань в области декольте.

Чёрт… Чёрт-чёрт!

Да что со мной?

Разорвав зрительный контакт, Егор отстраняется первым. Словно внезапно потерял ко всему интерес. Отойдя на пару шагов, зажигает лампу у кровати. Мягкий, тёплый свет подчеркивает резкие черты его лица. Что-то обдумывая, он принимается расстёгивать пуговицы рубашки.

– Ванная там, – указывает на дверь сбоку. – Можешь пойти первой. И не дрожи так, я тебя не трону, – не смотрит в мою сторону.

А я только сейчас осознаю, что меня сотрясает крупная дрожь. Ещё и на месте стою, как застывшая статуя.

София! Что ты творишь?! Никому нельзя показывать свои слабости! Никому и никогда!

Возьми себя в руки, чёрт подери!

Отмерев, пулей уношусь в ванную. Подставив руки под сенсорный кран, плещу в лицо ледяной водой. Поднимаю глаза и вижу пунцовые щёки в отражении.

– Да что со мной? – бормочу вслух.

Я же точно уверена, что Егор мне не нравится! Тогда почему краснею? Почему так на него реагирую? Почему задыхаюсь? Почему сердце стучит, как ненормальное? Почему в горле сухо?

Или это побочный эффект того, что со мной случилось недавно?

Отступив от раковины, приваливаюсь спиной к холодно-

му кафелю и сползаю вниз. Свернувшись в клубочек, утыкаюсь лбом в колени и заставляю себя дышать. Спокойно и размеренно.

Я бы назвала свою реакцию панической атакой, но меня не тошнит. Я не задыхаюсь. Это что-то другое… Мне незнакомо это чувство.

Не знаю, сколько я так сижу. Но приходу в себя только от того, что раздаётся стук в дверь.

– София, у тебя всё в порядке?

– Д-да, – голос подводит. Хрипит. Надламывается. – Всё хорошо.

Вспомнив, что не заперлась, подскакиваю к двери и громко щёлкаю дверным замком.

По ту сторону становится подозрительно тихо.

– Решил проверить, не грохнулась ли ты в обморок. Тебя долго не было, а вода не шумела, – поясняет парень, и я слышу его удаляющиеся шаги.

И что я должна была сказать… Спасибо?

Внезапно становится неловко. Чтобы избавиться от тянущего ощущения, стягиваю опостылевшее платье через голову, и иду в душ.

Пока моюсь, проваливаюсь в прострацию, даже не запомнив, о чём думала. А выйдя, обнаруживаю на вешалке новое белое полотенце бархатное наощупь. И банный халат такого же белоснежного цвета.

Как будто в отеле поселилась…

Перед тем как открыть дверь ванной, перевожу дыхание. И плотно шнурую халат. Поправляю тюрбан на голове, и только после выхожу.

Егор сидит в кресле и сосредоточенно листает планшет. На нём нет рубашки. Так что моему обзору открывается его идеальное подтянутое тело с кубиками пресса и тёмной дорожкой волос, скрывающейся за ремнём брюк.

Точно статуя.

Услышав меня, парень поднимает голову. Комментирует недовольно:

– Наконец-то.

Я решаю не отвечать. Делаю вид, что его вообще не существует в моей реальности. Прохожу к кровати и сажусь на неё, отвернувшись в сторону распахнутого окна.

– Твои вещи привезут завтра.

Это он про мой рюкзак?

Хочется фыркнуть, но я сдерживаюсь.

– Одежда в шкафу, – кивает на дверь, которая ведёт в гардеробную. – Я попросил домработницу подобрать для тебя что-нибудь из гардероба Елены. Надеюсь, подойдёт. У вас похожая комплекция.

И скрывается в ванной.

Мне неуютно из-за присутствия Егора, но я заставляю себя пойти переодеться. Нырнув в гардеробную, хватаю первые попавшиеся вещи и натягиваю их на себя. После чего возвращаюсь в кровать с трусливой мыслью:

Нам же теперь нужно спать вместе, чтобы поддерживать легенду!

Александр вряд ли пустил всё на самотёк. Прислуга будет следить за каждым нашим шагом. И утром, наверняка, придут нас «проведать». «Случайно», конечно же. Как в мыльной драме.

Во рту снова пересыхает. Я хватаю стакан с водой с тумбочки (интересно, откуда он здесь?) и делаю несколько жадных глотков.

И тут из ванной выходит Егор.

С влажных волос на пол падают крупные капли. Они разбиваются, как моя решимость стать фиктивной женой мажора. Прижимая одеяло к груди, смотрю на влажный торс парня и не могу отвести глаз. Слежу за особо настырной каплей, которая спускается с его груди к животу. Затем ниже – прямо к полотенцу на бёдрах. После чего исчезает, впитываясь в ткань.

Разве можно быть настолько идеальным? – могла бы подумать я, если бы не один нюанс. Слишком заметный. Выделяющийся на фоне привычного образа «идеального аристократа».

Татуировка в виде молнии на правом боку.

Резкие чёрные линии покрывают рёбра. Ветвятся, как после раската грома во время грозы. Расползаются по боковой части живота Егора живой молнией, чтобы застыть там навечно.

Шумно сглатываю и резко отворачиваюсь.

Хорошо, что парень в это время вытирал затылок вторым полотенцем и не видел, как я бесстыдно пялилась на него…

– Ещё не легла? – спрашивает таким тоном, будто мы уже десять лет вместе спать ложимся.

– Нет, – бурчу, прикрываясь одеялом.

– Нервничаешь? – хмыкает. И бросает на меня понимающий взгляд. – Расслабься, детка. Меня не будет. Так что можешь отдыхать.

Детка?

Отдыхать?

Что происходит?

Открываю рот, чтобы задать вопрос и тут же его захлопываю.

Меня это не касается.

Повернувшись к Егору спиной, укрываюсь чуть ли не с головой. Закрываю глаза и пытаюсь уснуть. Но то и дело прислушиваюсь, как парень шуршит одеждой, куда-то собираясь.

Любопытство не порок…

Но когда я решаю обернуться, в комнате уже никого нет. И только ветер колышет занавески.

Не веря в то, что вижу, бросаюсь к окну. Убывающая, но всё ещё полная луна освещает двор особняка получше фонарей. Так что я успеваю заметить, как тень, бесшумно спрыгивает с крыши и устремляется в сторону гаражей.

Егор вылез через окно? Серьёзно?

Егор, который ведёт себя, как сноб, не позволяя себе лишних эмоций?

Теперь понятно, откуда у него атлетическое телосложение.

И всё же…

Любопытство не порок, но внутри меня вдруг появляется зудящее чувство, желающее узнать, куда и зачем мажор сбежал посреди ночи.

Приходится дать себе мысленную оплеуху.

Это не моё дело.

Глава 6

София

Просыпаюсь одна. Несколько минут уходит на то, чтобы вспомнить, где я нахожусь.

Вспомнить, во что я вляпалась.

Сквозь полуприкрытые шторы просачивается тусклый утренний свет. Поворачиваю голову, опасаясь наткнуться взглядом на лежащего рядом мужчину, но…

Егора не было всю ночь.

Интересно, он вообще когда-нибудь спит?

Сажусь на кровати. Откидываю одеяло и опускаю ноги на мохнатый ковёр цвета слоновой кости. Такой мягкий, что пальцы на ногах поджимаются. На губах невольно появляется улыбка.

Вроде бы ничего особенного: обычный ковёр на мраморном полу. Но не для меня. Именно в такие редкие моменты я чувствую себя живой и осознаю всю ценность приятных мелочей, из которых и состоит наша жизнь.

Особенно после общаги, где у тебя даже не комната, а койко-место. И бесконечные рабочие дни и ночи, когда на сон почти не остаётся времени.

Стук в дверь обрывает короткий миг счастья, возвращая в суровую реальность.

– Войдите, – говорю, вспомнив о своём новом статусе.

В комнату бесшумно входит девушка из прислуги. Останавливается у дверей. На меня не смотрит, опустив глаза в пол.

– Доброе утро, госпожа София, – раздаётся тихий голос. – Госпожа Елена просит вас присоединиться к завтраку в саду. В западном крыле есть беседка, я провожу вас туда, когда будете готовы.

Киваю:

– Хорошо.

Но девушка не уходит, и я понимаю, что она ждёт от меня ещё чего-то. Приказа? Вопросов?

Так. Надо что-то сказать. Но что?

Чёрт…

Как же сложно быть женой мажора!

– Как вас зовут? – Начинаю с банального.

– Виталина, госпожа.

– Виталина, – перебираю в уме список вопросов, которые могла бы задать настоящая жена Егора. Статусная. Из его круга. – Когда привезут мои вещи? – спрашиваю, радуясь внезапному озарению.

– Они уже здесь. Распорядитесь принести?

Я снова киваю. Но девушка не смотрит на меня, так что приходится произнести вслух:

– Да. Принесите их, пожалуйста, сюда.

И тут же прикусываю язык.

Вряд ли богатым снобам знакомо слово «пожалуйста».

Но девушка не обращает на мою оговорку внимания, спеша выполнить указания «госпожи». Новенькая, видимо.

– Скоро вернусь.

Странно, что ко мне не приставили какую-нибудь мастодонтиху особняка Морозовых…

Когда дверь закрывается, я встаю. Иду к шкафу. Ковёр, лежащий у кровати, кончается через пару шагов. Холодный мраморный пол обжигает голые стопы. Я шиплю от неожиданности, но именно это приводит в чувство.

Не время расслабляться, Соня.

Ты уже один раз отвлеклась… И это дорого тебе обошлось.

Створки шкафа открываю с надеждой. Но чуда за ночь не произошло. Джинсы, свитер и кроссовки всё также являются отсутствующей деталью предоставленного мне гардероба.

Медлю, перебирая платья и костюмы, выделенные мне Еленой с барского плеча. А потом вздыхаю и всё же тяну платье цвета чайной розы. Оно закрытое и сдержанное.

Такое точно подойдёт для завтрака с новоиспечённой свекровью.

Избавившись от удобной пижамы, надеваю платье. Рукава облегают мои запястья, как наручники, только мягкие. И пока я пытаюсь привыкнуть к «новой» Софии, волком смотрящей на меня в отражении, возвращается Виталина.

По моей просьбе девушка оставляет у кровати рюкзак, спрятанный в роскошном чемодане на колёсиках кем-то из

людей Егора, и предлагает свою помощь в сборах. Я не отказываюсь. Всё равно не умею ни краситься, ни укладывать волосы. Так что чужая помощь оказывается кстати.

Виталина, с трудно скрываемой радостью на симпатичном лице, собирает мои короткие волосы в низкий хвост на затылке. Делает лёгкий макияж, чтобы скрыть многолетние, въевшиеся под кожу круги под глазами. И подбирает обувь под платье.

Оглядев себя в зеркале, с досадой признаю, что без Виталины бы не справилась.

Вот теперь я хотя бы выгляжу так, как должна выглядеть жена Егора Морозова – элегантно и со вкусом.

Днём особняк ещё больше походит на отреставрированный музей. Такой же холодный и безлюдный. Так что, когда девушка выводит меня на улицу, я с наслаждением подставляю замёрзший нос солнцу, впитывая тепло каждой клеточкой своего тела.

Сад оказывается настоящим живым лабиринтом, который не любит гостей. Идеально подстриженные кусты напоминают тюремные стены. Воздух пропитан ядовито-сладковатым запахом тиса. Гравий хрустит под ногами от каждого шага. Каждый поворот охраняют каменные стражи.

Без сопровождения точно заблудилась бы. Но впереди идёт Виталина, а за спиной маячат две широкоплечие фигуры – захочешь, не потеряешь.

И не сбежишь.

Беседка расположилась под сенью старого вяза в самом центре лабиринта. Первое, что бросается в глаза – тонкие кованые узоры, увитые плющом. И уже потом – белоснежные скамьи внутри, резной столик и фарфор на нём.

Будто в Стране Чудес оказалась. Даже утренний свет, проникающий сквозь кружево листвы, кажется ненастоящим.

Елена уже сидит в беседке, потягивая чай из фарфоровой кружки. На ней лёгкое платье жемчужного цвета. Волосы уложены в высокую затейливую причёску. Губы цвета телесного глянца.

Она – как аромат дорогого парфюма: вроде бы утончённый, но всё равно душный.

Один небрежный жест руки хозяйки особняка и Виталина вместе с безликой охраной, слегка склонившись, растворяются в саду.

– Доброе утро, София, – голос женщины похож на шампанское с каплей яда. Такой же обманчиво игривый и тающий в себе крытую опасность. – Хорошо спалось?

Ага, очень.

Полночи ворочалась без сна. Сначала из-за любопытства: куда же всё-таки ушёл Егор? А потом с непривычки – я впервые столкнулась с тем, что мне не нужно было никуда бежать, и не нужно было ничего делать. Я могла просто… выспаться.

– Доброе. У вас дома очень уютно. Уснула сразу же, – с каждым разом лгать становится всё легче. И проще.

Елена растягивает губы в приторной улыбке. Как будто

догадывается о каждой мысли и видит меня насквозь.

Почему у меня такое чувство, что я где-то прокололась?

Сажусь напротив Елены, едва не запутавшись в юбке. Чай уже налит. На тарелках разложены клубника, персики, нарезанные кубиками, и круассаны. Но шоколадная паста в отдельных мисочках заинтересовывает меня больше всего.

– Я попросила, чтобы завтрак накрыли здесь. Надеюсь, ты не против, – больше из вежливости произносит Елена, поддерживая светскую беседу. – Скоро приедут декораторы, чтобы подобрать оформление к благотворительному вечеру. В особняке будет слишком шумно.

Шумно?

Ну-ну. Как на кладбище.

Неудивительно, что свекровь сбежала в сад завтракать.

Киваю, изображая интерес и вовлечённость в разговор. И, чтобы избавить себя от необходимости как-то это комментировать, пробую чёрный чай. Терпкий, крепко заваренный. И едва не кривлюсь.

Сладкий чай – единственная блажь, которую я позволяю себе с детства. Моим родителям не было дела до того, хочет ли ребёнок их есть. А о каких-то прихотях вроде конфет, шоколада или игрушек я вообще молчу. У них были другие интересы…

Но вот сахар в вазочке был всегда.

Поначалу его приносила бабушка. Потом её не стало, и мне приходилось таскать из родительских «тайников» день-

ги, чтобы не умереть с голоду. Экономя крохи, которые продавцы оставляли мне в виде сдачи из жалости, я пополняла вазочку с сахаром в память о бабушке.

А позже это стало чуть ли не единственной вещью, которая хотя бы недолго скрашивала мои чёрные будни.

Окунувшись в омут памяти, пропускаю добрую половину того, о чём говорила Елена.

– …мы устраиваем его каждый год, чтобы произвести сбор средств для фонда реабилитации трудных подростков.

Она бросает на меня взгляд поверх чашки. Смотрит так, словно за ночь узнала всю мою подноготную и теперь испытывает на прочность. Проверяет, как далеко может зайти, прежде чем я сломаюсь.

Думает, упоминание трудных подростков как-то заденет меня?

Хочется иронично хмыкнуть, но я лишь выдавливаю из себя скупую улыбку:

– Очень благородно с вашей стороны, – отодвигаю от себя чашку с гадким чаем подальше.

Шоколад и свежие круассаны так и манят. Я глотаю голодную слюну, но смотрю прямо перед собой.

Чёртовы богачи со своими чудными правилами поведения! Когда уже можно будет нормально поесть?

И как вообще прикажете соблюдать этот проклятый моветон, если ты понятия не имеешь, где он начинается и где заканчивается?

– Мы с Александром планируем пригласить представителей прессы и несколько семей из совета попечителей. И, конечно, вы с Егором будете в центре внимания.

Сердце пропускает удар. Я всё же беру круассан, но слишком сильно сминаю его пальцами, выдавая нервозность. На стол сыпется крошка, вот только Елена не сводит с меня глаз. Наблюдает за выражением лица, как хищница, играющая с добычей.

– Александр просил передать, чтобы ты встретилась с декораторами после того, как они набросают примерный план оформления. Справишься? – спрашивает почти ласково.

– И не с таким справлялась.

Поспешная кривая улыбка не скрашивает резкий ответ. И мы обе это понимаем.

Но Елена вдруг заходится смехом. Искренним, словно не ожидала от меня чего-то подобного.

– Это хорошо. – Отсмеявшись, она ставит чашку на блюдце и берёт самую крупную клубнику. Аккуратно откусывает половину, демонстрируя стройный ряд белоснежных зубов. – Слабым не место в нашем доме. Морозовы – это хватка, власть, сила, контроль, – перестаёт улыбаться. – Мягкотелая девочка не выживет в жёстких условиях, которые подразумевает твой новый статус.

Допив чай, Елена вытирает губы салфеткой. Демонстративно сминает ее, бросив перед собой.

– Позволь дать тебе совет, – впивается зеленью кошачьих

глаз. – Если хочешь и дальше оставаться женой Егора, докажи свою полезность Александру. Поверь, его не волнует есть ли между вами любовь. Мой муж заинтересован лишь в тех, кто способен вносить весомый вклад в семейный бизнес. Подумай над этим, прежде чем вкладывать все силы в то, чтобы изображать из себя влюблённую девушку, коей ты на самом деле не являешься.

Её слова обескураживают. Моя рука с так и не откушенным круассаном медленно опускается, пока я смотрю на женщину во все глаза.

И осознаю, что своей реакцией только что выдала себя с головой.

А может это произошло намного раньше…

Вчера на ужине? С самого первого вопроса?

Уже не узнать.

Но факт остаётся фактом. Елена разглядела намного больше, чем ей следует знать.

И это плохо. Очень плохо.

Уже можно начинать паниковать?

Или Елена на моей стороне? Иначе, зачем весь этот разговор и уж тем более советы?

Чёрт… И где же носит Егора, когда он так нужен?!

– Не воспринимай прямоту и честность за грубость. Я лишь хочу сказать, что не враг тебе. А теперь прошу меня извинить, – женщина изящно и плавно поднимается из-за стола. Даже представить не могу, через сколько лет у меня

получится изобразить нечто подобное. – Я бы и рада продолжить наш разговор по душам, но дела не ждут. Если потребуется помощь, обращайся.

Что…

Что это сейчас было?!

Если каждый день будет начинаться с таких вот неожиданностей, меня раскусят на «раз-два»!

Точнее, уже…

Капец. И что я теперь скажу Егору?

Хотя сам виноват! Надо было быть рядом, а не ошиваться непонятно где.

Но с другой стороны, если наш контракт аннулируется, то…

Нет! Этого нельзя допустить. Не желаю возвращаться на дно, из которого только-только выползла.

Там Антон.

Внутренне содрогаюсь от неприятных воспоминаний. Инстинктивно обхватываю плечи руками. Пальцы нащупывают тоненькую полоску шрама у ключицы, и я шумно сглатываю вязкую слюну, чтобы избавиться от колючего комка в горле.

Елена выходит из-за стола, не дожидаясь ответа и не замечая моего состояния. К счастью.

Но, спустившись со ступеней беседки, вдруг останавливается. Оборачивается через плечо, глядя на меня со странной смесью недоверия и любопытства:

– Правда, сомневаюсь, что ты из тех, кто просит помощи.

И уходит, оставив после себя аромат жасмина и ощущение, что завтрак был не просто прихотью или причудой хозяйки дома, а её личной проверкой.

Проверкой, которую я так бездарно провалила.

Я остаюсь в беседке. Во-первых, голод – не тётка, а во-вторых, мне есть о чём подумать в одиночестве. Благо охрана дома Морозовых держится на приличном расстоянии, хотя бы создавая иллюзию того, что ты один.

Подперев щёку рукой, апатично жую круассан с шоколадной пастой. Меня терзают двоякие ощущения. С одной стороны, Елена вроде как дала понять, что на моей стороне. Даже помощь предложила. А с другой…

Она в открытую намекнула, что я должна играть по её правилам. Или по правилам Александра. Что вероятнее всего. Но между строк так и сквозило: «Что бы ни задумал Егор, если будешь и дальше следовать его стратегии – вы оба проиграете».

Егор должен остаться за бортом – вот что Елена имела в виду.

Уверена, в этом всём есть дополнительные подводные камни, которые мне пока не показали. Но всё тайное в любом случае станет явным. Нужно просто подождать.

Вот только…

Даже если бы мне вдруг захотелось, я не могу следовать совету Елены. Сделка была заключена с Егором. И менять сторону я не намерена. Это будет нечестно, неправильно и

несправедливо.

У меня есть принципы, и я буду их придерживаться.

А ещё (что немаловажно!) Елена давала мне совет, считая, что я жажду не просто заполучить, а прочно основаться на месте законной жены Егора. Но ведь мне это даром не сдалось. Так что её совет абсолютно не применим к моей ситуации.

В любом случае, я должна рассказать обо всём Егору.

И как можно скорее.

Сжав в руке салфетку с монограммой «М», решительно поднимаюсь со скамьи. Фарфоровая чашка с остывшим в ней чаем отражает моё нахмуренное лицо. Разгладив указательным пальцем морщинку между бровями, вздыхаю.

Впредь мне стоит лучше контролировать, что я говорю и как веду себя.

Выхожу из беседки. Погода на улице – загляденье. Светит солнышко, радостно щебечут птицы. Всё буквально подталкивает к неспешной прогулке. И я бы с радостью прогулялась, если бы не чёртов лабиринт…

Приходится звать невозмутимого охранника и просить его вывести меня отсюда.

Пока меня ведут между стройных рядов тисовых стен, думаю о Егоре. О том, где он был этой ночью. И что я, даже если сильно захочу, не могу узнать у него это. Одним из пунктов договора было – не лезть в личную жизнь друг друга. У меня нет на это никаких прав.

Но любопытство, как игривая кошка, которую невозможно заставить усидеть на месте. Поэтому я кусаю губы, пытаясь разгадать причину внезапного побега Егора из отчего дома.

И тут меня осеняет…

Он же обещал погасить мой долг перед Антоном в течение суток! Неужели..?

Эта мысль стучит в висках. И, кажется, самой логичной из всех.

Но стоит вспомнить лицо Антона, эти холодные глаза, сжатые челюсти и масляную ухмылку, как меня бросает в дрожь. Тело сводит судорога, и я запинаюсь носком туфли о гравий. Вовремя подоспевший охранник успевает подхватить меня, прежде чем случается неприятный казус.

От чужого касания каждый волосок на теле встаёт дыбом. Я инстинктивно шарахаюсь от спасшего меня мужчины. Грубо отталкиваю от себя его руки. Перед глазами стоит образ Антона, поэтому не сразу понимаю, что моей жизни ничего не угрожает.

Охранник обескураженно смотрит на меня, но пока ничего не говорит. Мысли мечутся в панике. Дышать становится тяжело. Сердце гулко стучит в ушах. Взглядом ищу выход. Впереди маячит белоснежная арка, увитая дикой розой, и я бросаюсь прочь из лабиринта со всех ног.

Страх уже не просто вспышка в моей памяти, он пустил корни…

Грохот, раздавшийся неподалёку, приводит в чувство. Я словно выныриваю из вакуума. Резко останавливаюсь, привалившись к ближайшему дереву, и поворачиваю голову в сторону звука. Перед глазами начинают проявляться очертания окружающего мира, а дыхание успокаивается.

Кажется, прихожу в себя.

Чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами выпускает наружу людей. Грохот, который привёл в чувство, оказался хлопками массивных дверей. Я замираю, прячась за стволом ивы.

Егор выходит из машины последним. Его образ, как всегда, безупречен. Он одет идентично вчерашнему дню, только цвет костюма отличается. Мажор решил, что цвет его настроения сегодня – белый.

И всё же, что-то в движениях Егора не так. Что-то цепляет мой взгляд, но я не до конца понимаю, что именно.

Нет привычной грации? Плечи слегка обращены внутрь, портя ровную осанку? Выглядит уставшим?

Но стоит моргнуть и наваждение исчезает. А затем происходит то, что вовсе отвлекает всё моё внимание от Егора – из фургона, стоящего позади «Мерседеса», выгружают клетку. Настолько большую, что сердце невольно замирает в груди.

Кого он привёз? Тигра?

Нет… Там что-то чёрное. Пантеру?

Ой, мамочки…

Клетку перемещают на землю и я, наконец, могу разгля-

деть, кто в ней. И там вовсе не пантера, как я думала. Кто-то похожий на собаку, но это не собака. Это чудовище. Для меня, по крайней мере.

Живое воплощение мощи. Цербер, охраняющий врата в Подземный Мир – вот кто притаился в клетке.

Чёрный, как смоль. Массивный, с лоснящейся шерстью. Размером в половину человеческого роста. С острыми ушами и глазами, спокойными, но таящими в себе скрытую угрозу.

Как и у хозяина.

В том, что этот монстр принадлежит Егору, я не сомневаюсь ни секунды. И убеждаюсь в этом уже в следующее мгновение.

Егор подходит к клетке. Люди вокруг – высокие, мускулистые мужики – отходят на несколько шагов в сторону. Я сама тоже вжимаюсь в дерево, стараясь едва ли не слиться с грубой корой под ладонями. Лишь бы это обсидиановое чудище меня не заметило.

Но взгляда не отвожу.

Животное завораживает. А, когда пугающее первое впечатление уходит, на его месте появляется любопытство. Навостряет ушки, пробуждая желание подойти к клетке и рассмотреть пса (это всё-таки собака, а не страшное мифическое создание, как мне показалось вначале) ближе. Но Егор открывает клетку и все вокруг, не только я, дёргаются назад. Любопытство резко утихает, уступая место инстинкту само-

сохранения.

А затем и это разбивается в клочья об улыбку. Тёплую. Живую. Настоящую.

Поверить не могу… Егор улыбается!

Не демонстрация окружающим. Не наглая и самоуверенная ухмылка. Не холодный оскал. А искренняя, преображающая парня до неузнаваемости, улыбка. От такой замирает сердце, и подгибаются колени. Такая может…

Нет.

Ни. За. Что.

– Ну? Чего разлёгся? Выходи, а то, как не родной, – Егор распахивает объятия, присаживаясь. Пачкая дорогущие белые брюки травой и землёй.

Но пёс не спешит подниматься. Он смотрит прямо на меня. С любопытством или желанием сожрать – отсюда не видно. Но я бы предпочла, чтобы это чудище смотрело в другую сторону.

В ужасе пытаюсь спрятаться за деревом, но поздно. Егор успевает заметить меня.

– Кербер, будь джентльменом, вылезай, и мы вместе поприветствуем мою жену.

Кербер?! Серьёзно? Я угадала?

Поднявшийся на лапы и отряхнувшийся пёс заставляет оцепенеть.

Он же не станет…

Все мои надежды идут прахом, когда эта чёрная грома-

дина вальяжно выходит из клетки, и вместо того, чтобы кинуться, как послушная и преданная собачка, в объятия хозяина, трусит ко мне.

Глава 7

София

За те секунды, что пёс бежит в моём направлении, я успеваю оцепенеть, превратившись в живую статую. И даже вспомнить молитву, которую нас заставляли читать в приюте перед каждым приёмом пищи. Инстинкты подсказывают бежать в противоположную сторону, но тело не подчиняется. Как во снах, которые ты не можешь контролировать и просто смотришь на всё со стороны.

Кербер, эта чудовищная собака, останавливается прямо передо мной. Крик застревает в горле. Дыхание перехватывает. Я чувствую, как меня всю трясёт от непомерной дозы адреналина, выбросившейся в кровь. И от облегчения: пёс не кинулся на меня.

Не отводить взгляд. Не показывать страх. Не поворачиваться спиной.

Эти три правила однажды спасли меня от бродячих собак.

О том, как вести себя в подобных ситуациях, мне рассказала рыжая и веснушчатая соседка по комнате задолго до того, как я впервые сбежала с приюта. Побег оказался неудачным – поймали быстро – но зато, после случившегося, у меня появилась подруга.

Надо будет написать Кате. Она, наверное, жутко волнуется…

Прошло всего два дня, а по ощущениям – вечность.

Несмотря на то, что Кербером можно пугать маленьких детей, он оказывается воспитанным псом. Не лает. Не рычит. Только пристально смотрит на меня снизу вверх слишком умными глазами, похожими на остывающую лаву. И принюхивается, изучая: уши навострены, язык высунут, дыхание тяжёлое.

Я не двигаюсь ни на миллиметр. Не отвожу взгляд. Животное, будто понимает, что я боюсь его до усрачки, и, со скулящим звуком «а-а-у», широко зевает. «Чихает», демонстрируя дружелюбный настрой.

Вот только его пасть и большие зубы производят на меня прямо противоположное впечатление.

– Не бойся. Он тебя не тронет, – спокойно говорит Егор, подходя ближе. – Но только пока я рядом.

Шумно сглатываю. Изо рта рвётся нервный смешок. Но испуг, трансформировавшийся в раздражение, помогает загасить его на корню.

– Звучит так, будто ты мне угрожаешь.

– Предупреждаю. Попытаешься погладить Кербера в моё отсутствие и можешь лишиться руки. Это не шутка, – добавляет со всей серьёзностью.

Я всё-таки перевожу взгляд на Егора.

Парень стоит совсем рядом. Руки в карманах. Глаза тёмные. Цепкие. И уставшие. Только они выдают, что Морозову срочно нужен сон. На белых штанах красуются тёмно-зелё-

ные пятна. Но при этом мажор всё равно выглядит, как звезда, только что вернувшаяся с фотосессии.

– Сам дрессировал? – тяну язвительно.

– Нет, – игнорирует мой саркастичный тон, – мы с Кербером семья. А семью не дрессируют.

От шока брови взлетают вверх. Я осуждающе качаю головой, отступая на шаг. Кербер же садится рядом с хозяином, как послушная тень.

Значит, это чудище ещё и не дрессированное…

Осуждаю!

– Понятно… – озвучиваю самое приличное, что крутится в голове. – Надеюсь, ты не скармливаешь ему тех, кто перешёл тебе дорогу, – пытаюсь отшутиться, но голос чуть подрагивает.

На лице Егора вдруг появляется широкая улыбка. Я на секунду теряюсь, глупо моргая.

– Конечно, нет, – делает шаг вперёд и наклоняется ближе к моему уху. – Кербер сам выбирает, кого сожрать, – опаляет дыханием кожу.

Я стою, затаив дыхание. По телу проносится табун мурашек от внезапной близости парня. От его пугающих слов, которые прозвучали слишком… интимно. Даже игриво.

Как будто подшучивание надо мной доставило ему удовольствие.

Егор выпрямляется, продолжая держать руки в карманах брюк и ухмыляться. Пёс, услышав своё имя, смешно скло-

няет голову на бок. Совсем, как обычная собака. Подняв нос выше, и едва заметно дёрнув им пару раз, Кербер ловит запахи. Запоминает. Или пытается понять общее настроение. Чёрт разберёт!

Эта чёрная громадина, с мощной грудью и глазами, в которых не безоговорочная преданность, а молчаливое ожидание, будто решает, достойна ли я быть рядом с его хозяином. И это, почему-то, ощущается куда страшнее, чем угроза, исходящая от вооружённой охраны Егора.

– Кербер, – обращается к псу. Тот заинтересованно поднимает голову. Смотрит на хозяина с обожанием и ожиданием. – София своя. Твоя задача охранять мою драгоценную жену, когда меня не будет рядом.

Пёс издаёт удивлённое или возмущенное «вуф». И слишком быстро для человеческого глаза подаётся ко мне. Я даже испугаться толком не успеваю, как нос Кербера тычется в мою ладонь. Потом ещё раз, чуть настойчивее. Я не реагирую и собака-медведь, на этот раз уж точно возмущённо, гавкает, припадая на передние лапы.

Я же не дышу.

– Ч… Чего он хочет? – хриплю, глядя то на Егора, то на монстра у моих ног.

– Он… – Кажется, Морозов поражён не меньше меня. – Кербер оскорбился, что ты его не подгладила, – на красивом лице появляется хмурое выражение. – Он признал тебя.

И чем Егор теперь недоволен? Он же сам сказал псу, что

я – своя, и что меня нужно защищать.

Или… этот сноб говорил не всерьёз?

Ушедшее было раздражение возвращается. Хочется сделать что-нибудь назло мажору.

Перевожу взгляд на чудище. Его уши чуть дёргаются. Хвост бьёт по траве один единственный раз.

Кербер ждёт.

Ладно.

Медленно присаживаюсь. Протягиваю слегка подрагивающую руку к широкому обсидиановому лбу, пока тёмные, лавовые глаза смотрят на меня, не моргая. И всё же трусливо щурюсь, коснувшись лоснящейся шерсти.

– Поздравляю, – ледяным тоном произносит Егор. – Теперь ты не просто моя жена. Ты – член стаи.

– К слову о стае… – Решаю воспользоваться столь удачным замечанием, поспешно убирая руку от Кербера. Выпрямляюсь в полный рост. – Где ты был с утра? Я думала, ты будешь присутствовать на завтраке вместе со мной, – тяну с жирным намёком на то, что вообще-то мы должны работать сообща.

Надеюсь, мои слова не звучат, как упрёк ревнивой жены.

Я прекрасно понимаю, что вопрос граничит с нарушением одного из условий нашего договора, но возмущение от его отсутствия во время разговора с Еленой, клокочет в груди. Царапает колючей проволокой так, что невозможно молчать.

Пёс тяжело вздыхает и устраивается у ног Егора, положив

морду на лапы. Да ещё и с таким обречённым видом, словно каждое наше слово понимает.

Муж отвечает не сразу. Смотрит так, будто я преступница, решившая незаконно пересечь границу чужого государства.

– Напоминаю, что подобные вопросы – табу, – голос Егора звучит обыденно, даже немного ласково, но в синих глазах искрит холодное пламя.

Ей-богу! Лучше бы он огрызнулся…

Раздражает!

– Я неправильно выразилась, – цежу сквозь зубы. – Меня не волнует, где ты был. Мне важно, почему тебя не было рядом, когда ты был нужен.

Ветер шумит, играя с ветками ивы, под которой мы стоим. Кербер зевает – ему в тягость странные человеческие игры в словесные перепалки. А на лице Егора начинают играть желваки.

– Выполнял свою часть сделки, – отвечает с явной неохотой. Да ещё и таким тоном, словно каждое его слово стоит денег. Больших денег. – Долг погашен. А твой, – делает подозрительную паузу, – кредитор больше не доставит проблем.

Грудную клетку сковывает лёд.

Неужели Егору удалось так быстро, а главное просто разобраться с Антоном?

Неужели я, наконец… свободна?

Верится с трудом. Но раз Егор говорит, что мой долг уплачен, значит, так оно и есть. Нас связывает договор, а до этого

момента Морозов показывал себя человеком слова. Поводов сомневаться в нём или в его словах нет.

Тогда почему внутри всё сжимается? Почему я дышу, как загнанная лошадь? Не могу поверить в то, что моя жизнь, спустя столько лет, принадлежит только мне?

Или дело в чём-то другом?

Прищурившись, оглядываю парня с ног до головы.

Хотя, о чём это я? Теперь моя жизнь целиком и полностью принадлежит Егору Морозову. На полгода уж точно.

И я сама на это подписалась.

Поджав губы, вздыхаю. Морозов, наверняка догадываясь, о чём я думаю, понимающе ухмыляется. Не выдержав, отворачиваюсь.

Не хочу, чтобы он видел, что я растеряна.

Не обижена. Не зла. Не расстроена. А именно растеряна.

И, кажется, потеряна.

От необходимости продолжать диалог нас избавляет внезапно завибрировавший телефон Егора. Я оглядываюсь. Парень отвечает на звонок только после того, как отходит от меня на пару метров.

Конспиратор хренов…

Заметив мой пристальный взгляд, Егор кивает, как бы говоря, что наш разговор ещё не окончен, и что мы к нему вернёмся. Но позже. После того, как он закончит со своими сверхважными делами. Едва заметно хлопнув себя по бедру, Морозов подзывает к себе Кербера. Пёс нехотя поднимается

на лапы, несколько секунд смотрит на меня, и только потом присоединяется к хозяину.

Я остаюсь стоять среди высоких стриженых кустов, испытывая дикое желание сбежать отсюда, как можно дальше. Но минутная слабость быстро проходит, и я решаю вернуться в комнату хотя бы для того, чтобы освежиться – страх оставил после себя неприятную липкость на всём теле и кислый запах пота.

Пока иду в сторону особняка, в ушах на повторе звучит голос Егора:

«Твой долг погашен. Кредитор не доставит проблем».

Новость должна обрадовать, но вместо этого внутри царапается глухая тревога.

Почему мне так неспокойно?

Душ смывает часть тяжёлых мыслей и освежает тело. Я успеваю привести себя в порядок и надеть модный спортивный костюм из синего велюра, когда Егор появляется в комнате. Следом за ним заходит Кербер. Трусит до кровати, запрыгивает на неё и разваливается поверх покрывала, словно так и надо.

Брови грозят пробить потолок от наглости монструозного пса.

– Он будет спать… здесь?

– С нами, – подтверждает парень, расстёгивая пуговицы на манжетах белой рубашки.

– Но…

– Если что-то не нравится, можешь спать на диване. Мы с Кербером не против, – обходит меня, застывшую посреди комнаты.

Я ахаю, обомлев.

Что это с ним? Как будто совсем другой человек…

– А как же репутация влюблённой парочки? – шиплю, понижая голос.

– Все пары время от времени ругаются, – отмахивается от меня, как от назойливой мухи, небрежно оголяя рельефные от выпирающих вен предплечья. – О чём хотела поговорить? И давай сразу к сути. Хочу немного отдохнуть перед вечерней сделкой, – вальяжно разваливается в кресле, широко расставив ноги.

От странного поведения парня, окончательно теряю дар речи и не сразу нахожу, что сказать.

– У тебя точно нет брата близнеца?

Егор насмешливо фыркает и закатывает глаза, скучающе подперев щёку кулаком. Непослушная чёлка выбивается из идеально уложенной причёски и падает парню на лоб, делая синюю радужку темнее.

– Немного устал. Прости, что без официоза, Луна очей моих, – с издёвкой. – Если разговор терпит до завтра, поговорим позже, окей?

У него что, биполярка?

Внутренний чайничек вскипает.

– Не терпит. Тебе стоило быть рядом, – вырывается жёст-

че, чем рассчитывала. – Завтрак пошёл не по плану. Твоя мать…

Перемена в Егоре происходит слишком быстро. Незаметно. Неуловимо.

Морозов не даёт договорить, резко перебивая:

– Она мне не мать, – цедит угрожающим басом чуть ли не по слогам и подаётся вперёд.

Кербер вскидывает голову, чувствуя перемену в настроении хозяина. Навостряет уши, низко и протяжно рыча. Ища невидимую угрозу.

Я замираю. Внутренности сворачиваются в узел.

Чем дальше в лес, тем всё больше кажется, что я променяла шило на мыло…

– Запомни это раз и навсегда. – Голос Егора – сталь, покрытая инеем. Никаких эмоций, кроме ледяной отчуждённости. – И больше не смей называть её так в моём присутствии. Ты поняла?

В комнате холодеет на несколько градусов. Меня всю передёргивает. Я едва удерживаюсь от того, чтобы не обхватить себя руками. Всё, на что меня хватает – кивнуть.

Пару секунд Егор не двигается. Сверлит иссиня-чёрным взглядом, как хищник, размышляющий над тем, что делать с вырывающейся добычей. И только спустя долгие тридцать секунд, откидывается обратно на спинку кресла.

Почувствовав, что буря миновала, продолжаю, но уже осторожнее подбирая слова:

– Елена всё знает, – стараюсь говорить спокойно. Вот только подрагивающие пальцы выдают то, как тяжело мне это даётся. – Или догадывается. Утром она чётко дала понять, что я выбрала не ту сторону. Что все эти игры в любовь не прокатят. Сказала, что видит нас насквозь. И что…

– Что? – Подгоняет, пристально следя за тем, как я нервно заламываю пальцы.

– И что мне стоило бы… принять её помощь и доказать Александру свою полезность, вместо того, чтобы играть в твои игры.

Ненадолго воцаряется тишина. Егор опускает глаза, пряча взгляд. Чтобы я не видела, насколько он в ярости.

Но я успела заметить.

Егор не растерян. Не шокирован. Он пытается взять злость под контроль, чтобы не взорваться.

Похоже, Морозов и вправду устал.

Очень сильно устал.

Но… от чего?

Кербер тяжело вздыхает – за нас обоих – и печально свешивает морду с края кровати.

– Я сам разберусь с Еленой и отцом. Надеюсь, ты помнишь все пункты нашего договора, – испепеляет меня синевой глаз, пылающих внутренним огнём, – и что тебя ждёт в случае предательства.

– Хватит угрожать мне, – оскорблённо поджимаю губы.

Эмоции рвутся наружу, но Егор не первый и не послед-

ний, кто пытается сломить мою волю. Подчинить. Запугать. Я столько раз сталкивалась с подобным, что чувствуя себя в стрессовых ситуациях лучше, чем когда всё хорошо.

И это даже немного пугает.

– Я не твоя игрушка. Согласиться на сделку было только моим решением. Я могу разорвать контракт и уйти, когда пожелаю. Но…

Егор плавно поднимается из кресла. Делает шаг ко мне. Затем ещё один. Но в последний момент останавливает себя. На грани допустимого. Не выпуская из плена своих пылающих глаз.

– Но? – Спокойный, уверенный в себе Егор Морозов растворился, явив настоящего Егора.

Хищника, загнанного в угол.

– Я выбрала остаться. Пока не передумаю сама или же до тех пор, пока ты не вынудишь меня изменить решение.

– Тогда тебе следует лучше играть свою роль, – жёстко чеканит он и разрывает нашу борьбу взглядами, с лёгкостью перехватывая инициативу в разговоре. – Ты слишком быстро теряешь маску. Эта проверка, – тычет пальцем в сторону двери, – одна из многих, что ждут тебя в будущем. И если ты не в силах справиться с такой простой вещью, как притворство, надо было изначально трезво оценить собственные возможности и отказаться от сделки. Но жадность не позволила, не так ли?

Глаза Егора, как стёкла, покрытые инеем. Каждая буква,

произнесённая им, режет воздух, не хуже лезвия. Бьёт по больному. Задевает за живое.

– Жадность? – мой голос звенит от переполняющих эмоций. – Ты сказал, что будешь рядом, что поможешь! А в итоге бросил в пруд с пираньями, как кусок мяса! Не смей упрекать меня в собственных ошибках!

Налетевшая тучка поглощает солнечный свет и в комнате становится темнее.

– От тебя не требовалось ничего сверхъестественного, – небрежно вскидывает ладонь. – Сыграть влюблённую – не подвиг. Но ты и с этим не справляешься. Стоило оставить тебя на пару часов одну, и ты чуть всё не испортила.

Глухая, непроницаемая стена – вот что встаёт между нами. Разговаривать с Егором сейчас – это как докричаться до глухого.

Не знаю, где он шлялся, и знать не хочу. Но вряд ли выплачивал долг и разбирался с Антоном всю ночь. Так что, скорей всего, причиной мерзопакостного поведения мажора является спермотоксикоз. Все мужики себя так ведут. Катька рассказывала, как меняется её муж в зависимости от сексуальной неудовлетворённости.

Почти на сто процентов уверена, что Егор сбегал к своей девушке, а потом поругался с ней, и она ему не дала. К бабке не ходи!

Чтобы не отвечать гадостью на гадость, бурчу:

– Я тебя услышала. Впредь буду осторожнее.

С языка грозит сорваться что-то гадостное и пассивно агрессивное, и я прикусываю его зубами. Бросаюсь к рюкзаку – первому, что попалось под руку – и принимаюсь возиться в нём без цели.

Мысли так и норовят утащить меня в бездну самокопания, злости и желания ответить обидчику хотя бы в собственном воображении. Поэтому я заставляю себя сконцентрироваться на происходящем в реале.

Кербер сопит на кровати, решив, что хозяин сам разберётся со своей драгоценной женой. Егор чуть сильнее хлопает дверью, скрываясь в ванной, что вызывает у меня улыбку, полную мрачного удовлетворения.

Сосредоточившись, уже осознанно осматриваю содержимое рюкзака. Внутри всё лежит на своих местах нетронутое, как и оставляла: фотография родителей в секретном кармашке, практически пустой кошелёк, и всё ещё разряженный телефон.

Достав бесполезный «кирпич» и зарядку, подсоединяю телефон к розетке с противоположной стороны кровати и сажусь у изголовья. Подальше от монструозного похрапывающего пса. Пара секунд ожидания, звонкая трель – и чёрный экран возвращается к жизни.

Зажав боковую кнопку, жду, пока телефон включится. Вспыхивает заставка. Больше минуты уходит на то, чтобы мой старичок пришёл в себя после долгой отключки. Всё это время я нервозно трясу ногой, прикусив аккуратный ноготь,

покрытый лаком. Это на краткое мгновение возвращает в реальность, напоминая, где я. И с кем заключила сделку.

Но стоит взглянуть на раздуплившийся экран телефона и в голове становится пусто.

В шторке уведомлений висит одно новое сообщение, присланное чуть более трёх часов назад. От номера без подписи, но я узнаю его безошибочно.

«Не думай, что так просто от меня избавишься».

Глава 8

София

«Не думай, что так просто от меня избавишься».

Холод поднимается по позвоночнику, будто кто-то провёл по нему кубиком льда.

Антон.

Сердце шарахает о рёбра с оглушительным эхом. Пальцы сжимают чехол. Горят, словно я коснулась раскалённой печи. Торопливо заблокировав телефон, убираю его на тумбочку экраном вниз.

Мой кредитор больше не доставит проблем?

Ага… Заметно.

Ладони моментально становятся влажными, а живот скручивается в болезненный узел. Я заставляю себя дышать по методу квадрата, чтобы успокоиться. Этому меня тоже научила Катя. Она любит читать различные каналы на тему борьбы с тревожностью.

Делаю вдох – четыре секунды. Представляю, что рисую четыре грани квадрата. И выдох – стираю каждую из граней. Затем ещё раз. И ещё. До тех пор, пока тревога не отпускает.

Я в безопасности. Мне ничего не угрожает.

Кербер, будто что-то почуяв, вскидывает огромную морду. Широко зевает, выдав громкое «ауф». И смешно фыркает, дёргая носом вверх и вниз, когда я всё-таки решаюсь по-

смотреть на него прямо.

– Не переживай, я в порядке, – на лице сама собой появляется лёгкая улыбка. – Вот ты с виду грозный, все тебя боятся, а на самом деле, ты, наверное, добряк, каких поискать, – зачем-то разговариваю с псом, усевшись прямо на пол и привалившись плечом к бортику кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.